

100
Л Е Т

Н. Ушакова

Мой класс в гимназии Стоюниной

ОЧЕРК

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ

Н. А. УШАКОВОЙ

Тата (Наталья Абрамовна Ушакова) родилась 15 мая 1899 года в семье потомственного Почетного гражданина Санкт-Петербурга, видного земского деятеля, благотворителя Абрама Абрамовича Ушакова, который был народником по призванию, а не по принадлежности к пресловутой партии. Свое кредо он изложил в автобиографической повести, вложив в уста своего литературного alter ego, Андрея Ивановича :

«...главное, что устремляло его в совершенно ином направлении-это пробудившееся в нем настойчивое желание возможно скорее встать на путь общественной работы, проявить себя "другом народа", его бескорыстным и самоотверженным работником". Эти устремления определили и выбор жизненного поприща. После окончания Петербургского университета и защиты диссертации молодой ученый - кандидат естественных наук, единственный из многочисленных детей Абрама Михайловича Ушакова, решает посвятить себя работе на земле. Отец его, человек весьма состоятельный, одобряет выбор сына и покупает ему в Тамбовской губернии, в Козловском уезде, разоренное и запущенное имение Вырубовых площадью в 2000 десятин, предоставив сыну полную свободу действий. Это было мудрое решение. Бьющая через край энергия Абрама Абрамовича, в сочетании с его желанием быть общественно полезным и значимым человеком, нашла выход в созидательном труде по преобразованию умирающего имения в передовое хозяйство, в активной земской работе и благотворительной деятельности, за что позже он был удостоен личного дворянства и был занесен в Золотую книгу Российской Империи.

Его неустанным трудом и заботами Екатериново стало одним из самых ухоженных, цветущих и рентабельных хозяйств Тамбовщины. Счастливейшие годы жизни Абрама Абрамовича.

Он счастливо женился на Ольге Васильевне Никулиной, выпускнице Московского Екатерининского института благородных девиц, дипломированной домашней учительнице, которая целиком поддерживала молодой энтузиазм своего мужа и разделяла его взгляды. Их дети Леля, Тата и Костя провели детство в Екатериново практически безвыездно, исключая редкие поездки в Петербург. На их глазах усилиями родителей возрождалось из руин, казалось

окончательно погибшее имение, вырос новый дом, заложен огромный сад, высушено болото и разбит великолепный английский парк.

Само имение располагалось в живописнейшем месте. С одной стороны его ограничивала пойма Польного Воронежа, который неспешно нес свои прозрачные воды в низких зеленых берегах, а с другой - старая березовая роща. С пригорка видна была красивая церковь в редком готическом стиле и уходящие за горизонт бесконечные золотые нивы хлебов.

Сельская жизнь не терпит праздности. Подчиненная непреложным законам и циклам, она удивительно разнообразна в своем вечном единообразии, властно требуя от хозяина в ежедневном коловращении безотлагательных решений.

Родители исподволь приучали детей к посильному труду и ответственному отношению к делу, справедливо видя в этом залог нравственности. У ребят было свое хозяйство, домик, огородные грядки и всевозможная живность на их попечении. "Какое счастье! Мама обещала летом подарить нам двух кур и петуха. Они будут жить у нас, на нашем дворе. А папа обещал нам выписать проволочный забор высотой в два аршина ..." - пишет в своем дневнике 13-летняя Тата. И все это было исполнено родителями. Дети убирали в саду сухие ветки, чистили от ряски пруды, помогали возить снопы, сгребали скошенную траву, поливали огород и зарабатывали деньги на карманные расходы.

В Татиных детских дневниках лето в имении сливается в один бесконечно долгий и счастливый день. В ее описании нехитрых деревенских забав, купания, походов за грибами и ягодами, катания на лошадях, бесконечной любовной возни со своей подопечной живностью, общения с деревенской ребятней звучит ликующая радость от ощущения полноты бытия. Эти Татины детские дневники, исполненные старательно, аккуратным каллиграфическим почерком, любовно украшенные многочисленными рисунками и фотографиями, сделанными его хозяйкой, - удивительно трогательный документ, искренняя правдивая сказка об утраченном рае полной гармонии с природой и окружающим миром.

"Мы все родом из своего детства", - сказал некогда знаменитый французский писатель и летчик, аристократ Сент-Экзюпери. Блаженны те, у кого было такое беспечное счастливое детство! В нем Тата черпала силы в долгие стильные годы, в нем источник ее доброты, благородства, отзывчивости.

Родители были людьми одаренными. Абрам Абрамович обладал редким даром делать работу праздничным событием и еще более редкостным - заражать радостью ее творчества всех окружающих. Он прекрасно фотографировал, баловался беллетристикой, писал стихи, много времени посвящал научной работе. У Ольги Васильевны был абсолютный слух и очень красивый голос. Самым большим праздником для детей был приезд их любимых тетушек-маминых сестер. Добрые, красивые тетушки вместе с мамой составляли удивительно красивое трио. Тогда долгими летними вечерами сквозь раскрытые

окна в благоухающий вечерней прохладой сад неслись раскаты рояля и молодые женские голоса, исполняющие романсы, арии, песни.

Родители щедро поделились талантами с детьми. Все прекрасно рисовали (Тата даже полагала, что знаменитый иконописец Симон Ушаков - их дальний пращур). Леля унаследовала музыкальность и голос матери. Тату отец страстил к редкому тогда занятию - фотографии, увлечение, которое она пронесла через всю жизнь. Ее фотографии М.А. Булгакова признаны специалистами лучшими в иконографии писателя (см.: "Советское фото", № 7, 1985г.), а Косте Господь подарил инженерный талант.

Когда дети подросли до школьного возраста, родители увезли их в Петербург и отдали в самые лучшие и престижные гимназии столицы. Сына - в Тенишевское училище, дочерей - в гимназию госпожи Стоюниной, которая славилась своими успехами в эстетическом воспитании. Отныне Екатеринино остается ностальгическим воспоминанием о лете и одновременно сладким предвкушением будущего летнего времяпрепровождения. В Стоюнинской гимназии царили демократические порядки. Во всяком случае, перечень одноклассниц Таты из ее дневника - Кранихфельд, Вейнберг, Якобзон, Банкман, Гуревич, Залкинд, Фридман и пр. - говорит о том, что национального ценза там не существовало.

Училась Тата без особого усердия, радовалась отмене уроков, возможности прогулять их. И нет конца восторгам от походов в музеи, на выставки, очень нравятся уроки рисования, ваяния, искусствоведения. Впрочем, средняя отметка ее аттестата - 3 - говорит сама за себя. Отличные отметки только по французскому языку и рисованию.

По мере взросления в ее жизни все больше места занимают общение, дружба, подруги, главная среди которых Лулу Кулакова; столичные развлечения среди которых теннис, крикет, катание на велосипеде, прогулки по городу, визиты в гости. Позже появятся увлечения мальчиками. Ох уж эти девичьи тайны, походы в "Синема", театры, поездки в пригороды, смятение и сумятица чувств, неразборчивый почерк в дневнике, телефонные разговоры и встречи.

В старших классах гимназии молодежь охватило повальное увлечение рисованием и фотографией. Рисовали все, устраивали выставки с призами, конкурсы, дарили рисунки, обменивались ими.

Тата рисует много. В ее рисунках появляются стремительность, легкость, изящество. Сохранились ее комиксы с остроумными, а порой и ядовитыми подписями. Она иллюстрирует для себя сказки Гауфа, много снимает, сама проявляет и печатает фото. Бродит с альбомом по городу, рисует здания. К концу гимназии она собирается дальше учиться на архитектора, однако рисовать она продолжает и думает позаниматься в мастерской К.Коровина.

Этому повальному увлечению искусством не стоит удивляться, если вспомнить, что Тата была ровесницей течения "Мир искусства". Как некогда великие гуманистические идеалы чинквиченто выродились в маньеризм, так и русское общество, устав от чрезмерной серьезности и нравоучительной

дидактики передвижников, с восторгом приветствовало своих маньеристов - "мирискуссников". Его основоположники так сформулировали свои общественные установки :

- а) доставление жителям провинций возможности знакомиться с русским искусством;
- б) развитие любви к искусству в обществе;
- в) облегчение для художников сбыта их произведений.

Правда, первая "провинция", которую общество художников знакомило с русским искусством, называлась Париж. "Русские сезоны" покорили Европу. Это был триумф "мирискуссников". Овеянные парижской славой, они без труда покорили и Россию. Они добились гораздо большего, чем намеревались, - им удалось сделать искусство публичным явлением. Столичная публика буквально ломилась на вернисажи, премьеры, литературные чтения и диспуты, музыкальные концерты, до хрипоты обсуждая декорации и театральные костюмы, сценографию и музыкальное сопровождение, балетную пластику.

Странная роль выпала на долю "мирискуссников". Принципиальные противники любого авангарда, они стали его подлинной предтечей в русской культуре. Их подчеркнутое обращение к старине, увлеченность "ретро" никого не обманули и не увлекли и воспринимались всего лишь как откровенная стилизация, поверхностная декоративность и эстетическая декларация. Именно эта двусмысленность их эстетики, театральность, светлая печаль и легкий флер порочности и пленяли столичную публику. Секрет их популярности объяснялся еще и тем, что "мирискуссники" совсем интуитивно, на уровне темного подсознания, смогли ощутить и передать это ощущение сопричастности драмы планетарного масштаба, драмы прощания с уходящей эпохой, культурой, бытом, одним словом, сегодняшней жизнью, которую все хотели изменить, ожидая и подталкивая революционные перемены, не подозревая даже, чем обернется манящая бездна. Не ведало общество и в России, и в Европе, что новый век с его революциями, гражданскими войнами и мировыми войнами сотрет сытое прекраснодушие и высокопарную риторику вместе с целыми классами и сословиями.

На прозвеневший в августе 1914 года звонок последнего акта исторической драмы мало кто всерьез обратил внимание. Ажиотаж первых дней войны улегся, война шла где-то очень далеко, за пределами империи и, судя по сводкам, велась Россией вполне успешно. И столичная жизнь вновь заскользила по привычно накатанным рельсам.

Тата живые встречалась с кумирами из "Мира искусства". Родители ее лучшей подруги Лулу Кулаковой принимали в своем салоне столичную богему, кажется, и сама мадам Кулакова занималась ваянием.

В доме же Ушаковых постоянно собиралась молодежь. Подруги и поклонники красавицы Лели, приятели Кости, одноклассницы Таты. Этим отпрыскам петербургской интеллигенции было вместе весело и интересно. Молодой мир занимали искусство, спорт, развлечения, в нем царили постоянная влюб-

ленность, легкий флирт и кокетство. Вместе ездили за город, ходили в театры, музеи, на выставки. Борис Зернов, Николай Купреянов (будущий известный художник), Нэда Изнар и ее братья Михаил и Николай, Жорж Кньшев, Боб Келлер и некто Вадим (пассия Таты) - постоянные члены этой дружной компании.

А война, между тем, все продолжалась и продолжалась. Первые военные успехи сменились хроническими неудачами и поражениями. В пепле войны погиб весь офицерский кадровый корпус страны, и неумолимые щупальца все новых и новых мобилизаций подобрались теперь к совсем зеленым офицерам, Татиным друзьям, почти ее ровесникам, безжалостно превращая их в пушечное мясо. Ширились и нарастали беспорядки. Петербург ходил теперь в военной форме и выглядел очень тревожно. Становилось очевидным, что корабль России неумолимо несет на рифы. Такой тревожной нотой закончилось беспечное детство Таты.

Новый 1917 год она встречала с мамой, сестрой и ее женихом Борисом в Екатеринино. Последний счастливый праздник в ее прошлой жизни. 9 января в ее дневнике запись : "Сегодня приехала из Москвы и узнала, что вчера умер дедушка". Летом она закончила гимназию и начала готовиться к поступлению на архитектурное отделение Общества поощрения художеств.

Однако события нарастают крещендо. Осенью грянула столь ожидаемая всеми революция, потрясая общество до самого основания. Выведя страну из мировой бойни, она тут же обернулась беспримерной по длительности, масштабам и жестокости гражданской войной и привела Россию в состояние экономического, нравственного и физического коллапса. Увы, история ничего не учит. Опыт Франции показал, что ей потребовалось полтора столетия, гибель четырех республик и мудрость первого президента пятой республики Шарля де Голля, чтобы войти в нормальное русло цивилизованного развития после революционного потрясения 1793 года. И Господь знает, сколько времени и усилий для этого потребуется России!

Революционный смерч больно ударил по Ушаковым, сразу сделав их "бывшими". После погрома в Екатеринино, где чудом уцелели Ольга Васильевна с сыном, семья осталась без крова и средств, к существованию. Она собирается в Москве, так как оставаться в Петербурге опасно. В Москве живет старшая дочь с мужем. Борис Зернов служит в бывшем Алексеевском военном училище и живет в Сокольниках на даче, которую предоставил его друг, уезжая на фронт. На этой даче и прозимовала семья Ушаковых свою первую московскую зиму. Потом они снимали угол в доме на Новинском бульваре (он не сохранился). Случайная встреча счастливо решила, казалось, неразрешимую жилищную проблему. Абрам Абрамович встретил своего хорошего тамбовского приятеля Любоцинского, владельца небольшого особняка на Zubovском бульваре. Теперь хозяина усиленно "уплотняли", и он предложил Абраму Абрамовичу заселить с семьей антресоли своего дома. Эти антресоли в ампирном особняке стали на целых 65 лет московским пристанищем семьи Ушаковых. Отсюда в последний путь ушли многие из них : Ольга Васильевна и

Абрам Абрамович, Ольга Абрамовна и ее муж Арсений Владимирович Обухов. Потолки в комнатах были невысокими - всего 2,2 м., однако самих комнат было в избытке, хватило каждому члену семьи. У Таты окна выходили на Зубовский бульвар. Здесь она прожила до 1923 года, времени своего замужества за Николаем Николаевичем Лямина, к которому она переехала на Остоженку, 7.

Николай Николаевич занимал до революции в этом доходном доме крыло бельэтажа. В результате уплотнения у него осталась одна комната площадью 35 кв.м., которая и стала жильем Таты вплоть до ее смерти.

В Москве мысли об образовании пришлось временно оставить. Нужно было работать ради хлеба насущного. Летом 1919 года она поступает на свою первую службу, в штат Коллегии, в отдел по делам музеев и охране памятников искусств и старины Народного комиссариата по просвещению. Рекомендовал ее туда старый друг детства и юности Николай Николаевич Купреянов. Эта Коллегия - чрезвычайно интересное учреждение, собравшее под одной крышей сливки московской интеллигенции. С одной стороны, молодая власть нуждалась в квалифицированной помощи в деле спасения культурных ценностей в столь смутное время, а с другой - давала интеллектуалам возможность выжить в голодное время, выделяя пусть скудные, но регулярные пайки. В этом учреждении и начала служить Наталия Абрамовна, сначала в качестве делопроизводителя, позже - в отделе музеев - хранителем. Располагалась Коллегия в бывшем Морозовском особняке (Мертвый пер.,9). Его хозяйка - красавица Маргарита Кирилловна Морозова с семьей жила в подвале своего дома.

Возглавляла отдел Наталия Ивановна Троцкая, жена грозного начальника РККА. Была она женщиной тихой и безликой и редко покидала свой кабинет. Сотрудники Коллегии редко собирались на рабочем месте: они рыскали по городам и весям в поисках художественных ценностей, но если уж собирались - это стоило любого университета. Фактически заправлял всеми делами И.И.Грбарь; художественные экскурсии курировал известный искусствовед А.В.Бакушинский; исторические - Н.А.Гейнике; работали там П.П. Муратов, автор известной книги "Образы Италии"; Я.А.Тугендхольд, автор "Поля Гогена"; А.И.Батенин - создатель и директор музея мебели; Б.В.Шапошников. Захаживали в музейный фонд художники Кандинский и Шагал, историк искусств Б.Р. Виппер, писатель и театральный деятель князь С.М.Волконский. Здесь же покровительствовавший и опекавший Наталию Абрамовну П.А.Муратов познакомил ее с А.Чаяновым, чьи книги она позже будет иллюстрировать.

В 1919 году Наталия Абрамовна выполняет свою первую гравюру на дереве, очевидно, занявшись этим под влиянием Н.Н.Купреянова, одержимого в то время гравированием, работавшего много и истово. Н.Н.Купреянов, друг детей Ушаковых еще по Петербургу, знал Наталию Абрамовну с детства и был с ней, по ее словам, "как-то очень душевно близок". В его письмах к ней звучит исповедальная нота художника сложного, мятущегося, ищущего и очень строгого к себе. Николай Николаевич взял на себя благородную роль мэтра

начинающей художницы. Надо полагать, именно его уроки, рекомендации советы сделали столь удачным дебют Наталии Абрамовны в гравюре. Первая же ее деревянная гравюра "Банковский мостик" чем-то так тронула знаменитого собирателя гравюр П.Д. Эттингера, что он приобрел ее в свою коллекцию, а позже несколько ее гравюр были приобретены Гравюрным кабинетом ГМИИ им. Пушкина. Эттингер напечатал "Банковский мостик" в журнале "Москва". Этот журнал, один из первенцев толстых советских журналов печатал работы очень маститых художников, таких как Фаворский, Остроумова-Лебедева, Купреянов, Фалилеев, Чехонин, и считался очень престижным. Сегодня его номера - библиографическая редкость. Наталия Абрамовна работала до его закрытия, резала для журнала заставки, концовки на дереве и линолеуме. Молодую художницу заметили и пригласили работать в Госиздат. "И стала я считаться художником дошкольной детской книги", - вспоминает Наталия Абрамовна.

Тоненькие детские книги 20-х годов - ныне улада библиофилов - на плохой бумаге, в одну-две краски - они были столь же бедны, как и окружающая жизнь. А. Сидоров пишет: "...рождались и остались характерной для 20-х годов особая сумма приемов иллюстрирования и сопровождения текста, фрагментарная, условно-упрощенная..." Понятно, что усилия по искоренению массовой безграмотности исключали какие-либо изыски в разоренной стране. Культурная революция требовала в избытке книг, особенно детских. Работы хватало всем: и таким маститым, как Дейнека, Купреянов, Ватагин, Ефимов, Штеренберг, и таким молодым, неопытным начинающим, как Н.А.Ушакова, для которой детская книга стала делом всей ее жизни.

В 1923 году Наталия Абрамовна выходит замуж за Николая Николаевича Лямина, преподавателя Московского университета на кафедре западноевропейской литературы и языковедения. Специалист по французской литературе, переводчик, сотрудник ГАХН (Государственная академия художественных наук), он вводит жену в круг своих друзей - пречистенцев (название связано исключительно с местом проживания большинства из них: район улиц Пречистенки и Остоженки). Заяицкие, Топлениновы, Шапошниковы, Стронские, Поповы, Габричевский, Шпет, Мориц... Позже к этому кружку присоединится и чета Булгаковых. О дружбе, связывавшей долгие годы Ляминных и Булгаковых, написано достаточно много, чтобы на этом останавливаться еще раз. Стоит лишь напомнить, что все произведения Булгакова Наталия Абрамовна слышала в авторском исполнении, чаще всего в их с мужем комнате, что в ее библиотеке бережно сохранены его книги с теплыми дарственными автора, а вот письма писателя она уничтожила после ареста своего мужа по его приказанию.

Пречистенцы были люди одного круга по воспитанию и образованию. С университетским образованием, умные, широко эрудированные, остроумные, талантливые, гостеприимные. Художники, артисты, писатели, профессора, врачи, искусствоведы, историки. Они держались в стороне и от нэпманских, и от официозных кругов, вместе и особняком. Если исключить смерть ма-

тери, двадцатые годы были самыми счастливыми в жизни Наталии Абрамовны. Она была счастлива в браке, состоялась как профессиональный художник, имела массу друзей и приятных знакомых, ее окружали умные, значительные люди. Сама она в жизни была человеком легким в общении, умна, остроумна. Прекрасно умела слушать и сопереживать. Была добрым человеком, преданным в дружбе, любила помогать друзьям и близким, готова оказать услугу. Свою книгу "О мед воспоминаний" Л.Е.Белозерская-Булгакова подарила Наталии Абрамовне с авторской надписью: "...ты для меня радостный человек из радостного прошлого". Всю жизнь Наталия Абрамовна была дамой стройной и изящной, удивительно легкой на подъем, умела и любила элегантно одеваться и выглядела всегда моложе своих лет.

В 1924 году состоялась премьера ее детской книжки, это были иллюстрации к книжке их приятеля Заяицкого "Клю и Кля". Самыми удачными работами этих лет были иллюстрации к книгам А.Чаянова: "Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей. Романтическая повесть, написанная ботаником Х. иллюстрированная фитопатологом У. Издание Москва. V год Республики, 1922" и "Необыкновенные приключения графа Ф.М.Бутурлина". М. VII год Республики, 1924. По словам Л.Е.Белозерской, Булгаков очень любил эти книги.

В 1927 году состоялось знакомство Наталии Абрамовны с Маяковским, когда "Молодая гвардия" предложила ей сделать обложку и рисунки к новой поэме В.В. "История Власа, лентяя и лоботряса". На синей обложке она изобразила хулиганистого мальчишку, а в родителях Власа угадывалась шаржированная чета Булгаковых. Поэту работа понравилась. Она иллюстрирует книжки А.Родченко в "Радуге", Федорченко и Соловьева в Госиздате. Книги с ее картинками экспонировались на выставках дома и за рубежом — в Париже, Милане, Лейпциге, Мюнхене.

Но со временем жизнь все более ужесточалась. В конце 20-х вместе с нэпом прихлопнули и "левое" искусство, которым называлось теперь все, что противоречило залитованному соцарту. "Я сам буду твоим цензором!" - сказал вождь искусству. И стало так. Из искусства постепенно выхолащивается фантазия, легкость, импровизация, шутка.

Затем начались массовые репрессии. В 1936 году арестовали мужа Наталии Абрамовны, потом многих ее друзей, близких. После трех лет лагерей Николаю Николаевичу разрешили жить в Калуге, однако в начале войны всех репрессированных из города вывезли. Умер он в 1942 году в лагере от пеллагры. После гибели мужа Наталия Абрамовна в их комнате ничего не меняла и не переставляла с места на место, что, к великой радости фанатов Булгакова, дало им возможность лицезреть первозданный интерьер, в котором некогда находился их кумир. Это происходило в 80-е годы.

В холодной и голодной военной Москве Наталию Абрамовну приняли в члены МОССХа в апреле 1943 года.

Страшно обидно, что репрессии совершенно извели из жизни интеллигенции эпистолярный жанр. Вместо писем остались абсолютно безликие и неин-

тересные отчеты о проделанной работе. Что-то достал и выслал, остальное - позже, деньги получил, завтра прибывает имярек - просьба встретить, поезд номер и т.д. Не письма, а хождение по минному полю по узенькой проторенной дорожке. Известно, что Наталию Абрамовну связывали дружеские, приятельские, деловые отношения со множеством чрезвычайно интересных людей своего времени.

Однако в ее личном архиве нет ни их писем, ни дневников, ни воспоминаний о них. Звонкий Татин голос оборвался на дневниках 1917 года. Наталия Абрамовна онемела. И не из страха. В самые глухие годы она мужественно сохраняла семейный ушаковский архив, документы которого неопровержимо уличали ее "бывшесть".

Причина была в другом - в ее душевной деликатности. Сама Наталия Абрамовна была человеком замкнутым, свято оберегающим свой внутренний мир. Остроумная, живая, интересная, она никогда в беседах не переступала некой грани, что зовется в просторечье "лезть в душу". Даже выслушивая чужие исповеди, ответно не исповедывалась (что некоторых людей страшно злит и раздражает).

В последние годы жизни она возвратила друзьям, близким, знакомым их письма, письма же тех, что умерли, сожгла. Считала, что доверенное и поверенное ей не должно стать после смерти предметом досужего любопытства и пересудов. Из уважения к этой ее позиции мы оставляем за скобками своего очерка личные моменты ее жизни.

Уже в военные годы Наталия Абрамовна начинает работать вместе с конструктором детских игр Ю. Бугельским над книжкой-игрушкой, которую в 20-е годы почему-то отвергла начисто советская педагогика. Теперь же ее книжки-игрушки "Кот-книгоноша", "Золотой ключик", "С утра до вечера" побеждают в конкурсах и получают премии. Дети безоговорочно приняли эти книжки и полюбили их, книжки эти часто переиздавали. Они ненавязчиво вовлекали детей в творческий процесс, во-первых, и восполняли недостаток в игрушках в разоренной послевоенной стране, во-вторых. В 40-50-е годы Наталия Абрамовна работает очень много. Она иллюстрирует книги В. Катаева, К. Чуковского, Н. Кончаловской, Н. Забила, А. Барто, Р. Зеленой, С. Михалкова и многих других авторов, с Ю. Бугельским выпускают новую серию книжек-игрушек: "Карусель", "Елка", "Который час?" В эти годы окончательно формируется стиль ее работ, делающий их сразу узнаваемыми.

Выйдя на пенсию, Наталия Абрамовна совершенно неожиданно для себя стала звездой отраженного света. Опубликованный в журнале "Москва" роман М.А. Булгакова "Мастер и Маргарита" стал огромным событием культурной жизни страны в послевоенные годы и породил ажиотажный интерес к личности самого автора. Вездесущие фанаты - булгаковолюбы быстро узнали, что муж Наталии Абрамовны и она сама долгие годы были самыми близкими друзьями писателя, что в их квартире он прочитал своим друзьям все свои произведения, что здесь же устраивались читки его пьес актерами МХАТа, что фотографии Михаила Афанасьевича, сделанные Наталией Абра-

мовной в этот период, признаны лучшими, что комната ее описана в романе, и т.д. (кстати, один из притких фанатов пиратски издал Татины фотографии Булгакова в Канаде без ссылки на автора). Наталию Абрамовну интервьюировали, толпами ходили смотреть комнату. Довольно скоро она устала от этой опосредованной популярности, грозящей растворить ее собственную индивидуальность. Однако вежливо терпела всю эту суету, которая продолжалась вплоть до ее смерти.

Говорят, в здоровом теле — здоровый дух. Скорее наоборот. Умные, духовно чистые и здоровые люди меньше болеют и дольше живут, ибо не мучает их черная зависть к ближнему, алчность, муки тщеславия, мелкие уколы честолюбия, люта злоба. Наталия Абрамовна прожила долгую жизнь, сохранив до конца ясный разум и прекрасную память. Единственное, что отравляло ее жизнь — это усиливающаяся глухота. Несомненно, прожила бы дольше, если бы не перелом шейки бедра. Всегда легкая на подъем, непоседливая, стремительная, обездвижен, она как-то сразу потеряла вкус к жизни. И хотя самые любимые ею люди окружили ее заботой и вниманием, она начала быстро угасать. Умерла Наталия Абрамовна 23 февраля 1991 года. Отпели ее в храме Ильи Обыденского на Остоженке, а похоронили на Николо-Архангельском кладбище. На ее могиле плита красного гранита, оформленная по эскизу племянницы — Наталии Арсеньевны Обуховой.

*Л. и В. Ушаковы
Архангельское.
Март 1999*

Странички из дневника гимназистки.

Тата и Лулу
занимаются
фильмом.

Иногда Тата и Лулу

Звонок. Приходят Ася и Бобь.

Все отправляются в кинематограф,

забывая, что в этот день закрыты
все театры, цирки, кинематографы
и пр. и пр.

Вспомнили лишь
подойдя к кинематографу.

Бобь принял всю
вину на себя и они
пошли дальше.

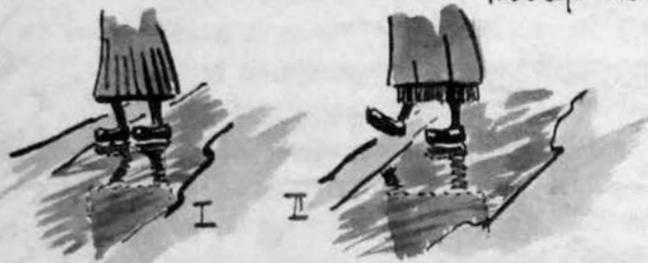

На пути им встретилось
презрительное
лицо, а
Тата и Лулу
были
без
головы

Сим постепенно оста-
вились Тату. (после прощания с Лулу
и покупки в Тостинном дворе)

Спасли галоши Коба.

Тата и Лулу перешли в них
поочередно.

На Набережной всё любовались

чуждым
видом.

Тата и Лулу ждали трамвая № 7,
чтобы поехать
къ деду.

Но когда пришел № 7
они раздумали.
Лулу хочет домой,
Тата - тоже, а Ася
собралась поехать
кататься
на трамвае.

Лулу - уехала.

Коба и Тата решили что
Асю пускать нельзя. Коба силой

Ася и Тата
пьют чай; в квартиру - въехали Лулу.

сажает ее на Пятинного из-
возника, а Тата благополучно (но с трудом)
доставляет Асю до дома.

Попернувшись на пол чароги извоз-
ника она поехала къ Пятинго.

ДЕТСКО. ОМРОЧЕСКО. ЕКАМЕРУНУНО.

С ЛУЧМЕЙ ПОДРУЖТОЙ ЛУЧУ КИЛАКОВОЙ

ПОЛОЖЕНИЕ ОБ ОТДЕЛЕ ПО ДЕЛАМ МУЗЕЕВ
И ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ ИСКУССТВА И СТАРИНЫ
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ

Р а з д е л   п е р в ы й.

Общие положения.

Ст. I. Отдел по делам Музеев и охране памятников искусства и старины Народного Комиссариата по Просвещению является центральным и единственным органом, объединяющим,

КОЛЛЕГИЯ

1919 - 1920 годы

(воспоминания Н.А. Ушаковой о начале трудовой деятельности, написанные ею по просьбе внучатого племянника Андрея Стронского)

Примечание :

Архив так называемой Коллегии хранится в РГАЛИ. Он охватывает мельчайшие подробности 1921-1922 годов, вплоть до размеров пайка истопника Коллегии Паршина. Однако, архивные материалы 1919-1920 годов отсутствуют. Надеюсь, что эти "Воспоминания" смогут помочь в чем-то лицам, интересующимся данной темой.

Вот что я помню о том давно прошедшем времени (1919 -1920 г.г.), когда я работала в Отделе по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе или, как называли еще, в Коллегии. Конечно, я не собираюсь писать о деятельности этого весьма полезного и нужного учреждения, спасшего много ценностей в то беспорядочное и смутное время, а просто вспоминаю бытовую сторону тех лет, так непохожую на нашу теперешнюю жизнь.

Хотя бы это: утро, я собираюсь идти в Коллегию. Но не тороплюсь. Наверное, там мало еще кто пришел. Одиннадцать часов - пожалуй теперь уже можно. Иду в Мертвый переулок, дом 9. Это бывший особняк Маргариты Кирилловны Морозовой, где теперь помещается Норвежское посольство (архитектор Жолтовский).

Привожу цитату из книги Валентина Булгакова "Встречи с художниками":
« В подвале проживала бывшая владелица особняка красавица и меценатка
Маргарита Кирилловна Морозова, большой портрет которой ,работы Н.
Бондаревского, украшал кабинет управляющего делами Отдела.

Отдел по делам музеев полон был в то время лучших представителей
московской интеллигенции - художников, архитекторов, музееведов,
искусствоведов, воодушевленных поставленными перед ними Советской
властью задачами".

Первая большая комната, вернее, зал, был заставлен столами, за
которыми сидели сотрудники. Кстати, их было не так уж много. Почему-
то посередине зала за маленьким столиком сидела маленькая довольно
пожилая дама, кажется, графиня Татищева, не помню точно, во всяком
случае, графиня, и помню, что говорить с ней лучше было по-французски
- ей было легче. А вот что она делала - не ясно. Вообще, таких бывших
старушек было довольно много. У окна столик с пишущей машинкой и
машинистка Надя Сизова (сестра Николая Ивановича Сизова -
композитора, который написал музыку к "Турандот") - балерина из
Большого театра. Оттуда же был наш кассир --Владимир Кожухов. Злые
языки говорили, что его выгнали из театра за то, что он часто падал, что, по-
видимому, не украшало его балетных выступлений.

Возглавляла же наше учреждение Наталия Ивановна Троцкая. Помню,
что была она невзрачная, рыжеватая и редко появлялась за пределами своего
кабинета. Существовала песенка, слова к которой написал наш близкий друг
Сергей Сергеевич Заяицкий:

В Коллегии на службе
С мадам с Троцкой в дружбе
И совнарком ее супруг
Мне тоже друг.
Все могу купить, все могу продать
Кресло, стул, диван, кровать
Я вчера Баккара променял на vikus Poroff.

Это отрывок из домашней оперетты, которую ставили у Ляминых
(наверное, в году восемнадцатом). Музыка написал Анатолий Николаевич
Александров, тоже наш хороший знакомый. К сожалению, эта оперетта
не сохранилась, ввиду ее "злободневности" она была сожжена в камине.

Недавно я слушала передачу по телевизору : "Композитор
А.Н.Александров". Сейчас ему уже порядочно за 80, а точнее 88.Но
выглядит он очень хорошо и хорошо говорил. Последний раз я с ним
встречалась в Музгизе, делала рисунки к его детским песенкам.

Я что-то очень отвлекаюсь в сторону от нашего Музейного отдела.
Каким образом я туда попала? Николай Николаевич Купреянов, который
перед этим тоже там работал, познакомил меня с Абрамом Эфросом и просил

его устроить меня в Коллегию. Эфрос тогда возглавлял экскурсионный отдел и по сему случаю я первое время работала там, а вернее, не работала, а числилась делопроизводителем.

В этом отделе из интересных людей были : Анатолий Васильевич Бакушинский (художественные экскурсии) и Николай Александрович Гейнике (исторические экскурсии). У каждого была армия экскурсоводов.

Бакушинский - очень известный искусствовед и музейный работник. Он, между прочим, как многие в то время, увлекался деревянной гравюрой. У меня сохранились его гравюры, которые он мне дарил. Сам он был маленький, тихий и скромный.

А второй - Н.А. Гейнике - большой, толстый, шумный. Ходил он в коротких брюках и спортивном пиджаке и, по-моему, всегда с рюкзаком. Этот был историком. Впоследствии он преподавал историю в балетной школе ГАБТ. Про него было много анекдотов. Вот один из них, который мне рассказала Е.Я. Никитинская, в одно с ним время работавшая в школе. В трудные годы войны школа помогала материально наиболее нуждающимся ученикам. Елена Яковлевна, как классный руководитель, выдвинула одну девочку из своего класса и просила Николая Александровича сказать на Совете свое авторитетное слово в ее пользу. Отец этой девочки милиционер, семья в 7 человек детей, очень нуждаются.

Николай Александрович, в то время уже довольно старый, имел привычку на собраниях засыпать. Зная это его свойство,

Елена Яковлевна села с ним рядом. В нужный момент толкнула его в бок. Николай Александрович проснулся и сразу высказался : "Девочке надо помочь. Отец у нее городской, семь человек детей, на взятки не проживешь."

В скором времени я перебралась в другой отдел - Музейный Фонд и стала называться хранителем Музейного Фонда. Дали мне громадный ключ и маленькую комнату - хранилище.

Сидели же все сотрудники Музейного Фонда в большом зале (зал заседаний при М.К. Морозовой).

Главным был, конечно, Грабарь - фактически глава всего учреждения. Тут же находились : Павел Павлович Муратов (автор замечательной книги "Образы Италии"), Яков Алекс. Тугендхольд (автор книги "Поль Гоген")-специалист по новой западной живописи, Николай Дмитриевич Бартрам (музейные игрушки), Александр Иванович Батенин (музей Мебели в Нескучном дворце), Борис Валентинович Шапошников (музей 40-х гг.). Они были, конечно, не просто директорами этих музеев, а их основателями.

Был тут и Николай Павлович Пахомов, которого вы знаете по Абрамцевскому музею и которого я до сих пор встречаю, Николай Егорович Машковцев и Павел Давыдович Эттингер - известнейший коллекционер и искусствовед. Собирал он все, даже мои гравюры, так что я имела честь попасть в его собрание.

А привело это к тому, что в один прекрасный день Павел Давыдович сообщил, что мою гравюру "Банковский мостик" напечатали в журнале "Москва". Это был тоненький журнальчик по литературе и искусству, очень невзрачный, но печатались там такие маститые художники, как Митрохин, Чехонин, Фалилеев, Фаворский, Купреянов, Остроумова-Лебедева.

Потом я продолжала там работать - делала заставки, концовки, резала их на дереве или линолеуме. У меня сохранились номера за 1918-22 гг. Кажется, больше они не выходили.

Издавал этот журнал и редактором его был Соломон Абрамович Абрамов. Был он и поэтом и печатался в своем журнале.

Уже позднее, во время войны, когда я, холодная и голодная, сидела около моей едва теплой печки (телефона в то время не было), ко мне явился Абрамов с предложением сделать с ним вместе плакат: крупным шрифтом заглавная надпись "Есть!" Дальше шли стихи на военную тему. После каждого куплета ответ солдата: "Есть!" Но это звучало двусмысленно. Я была голодна и слово "есть" наводило на мысль о чем-то съедобном. Удалось его отговорить.

По роду своей деятельности большинство сотрудников Музейного Фонда не сидели на месте, а только заходили, и не каждый день.

Вообще, наш Музейный Фонд сильно смахивал на клуб какого-нибудь Дома художников. И кто только не бывал у нас. И по делам, и просто знакомые. Появилась раз Яблочкина и требовала у меня что-то вне очереди, повторяя все время, что она - Яблочкина. А я то не знала в то время московских театральных знаменитостей и после ее ухода спросила: "А это кто такая?"

К Бехтееву часто приходил художник Кандинский перед своим отъездом за границу, а к Эфросу - Марк Шагал. Он интересовался деревянной гравюрой и как-то попросил меня одолжить ему инструменты для гравюры. Я их дала и больше не видела. Шагал тоже вскоре уехал в Париж.

Довольно заметной фигурой в Коллегии был художник Н.К. Пеленкин. Выделялся он главным образом своим внешним видом, но отнюдь не принадлежал к "лучшим представителям московской интеллигенции", о которой писал Валентин Булгаков. Был он очень высокого роста и ходил зимой в оленьей дохе до пят. Считался он художником, но рисовать не умел. Чтобы пройти в горком Рабис, он дал туда несколько гравюр, которые оказались ... моими. Несмотря на это мы были с ним не в плохих отношениях. Он даже бывал у меня дома. Как потом выяснилось, мама очень боялась, чтобы я не вышла замуж за него - ее пугала его фамилия. Вдруг я буду "Тата Пеленкина!"

Вскоре после моего перехода в Музейный Фонд появился Бехтеев. Мы сидели с ним за одним столом. Вернее будет сказать так: у нас был общий стол, но сидеть-то за ним мы никогда не сидели! Так как ему по его военным делам важно было занимать должность "главного" хранителя, то меня попросили, если я не возражаю, быть его помощником. Я, конечно, не

возражала. В то время оклады никого не интересовали, не интересовало меня и звание "главного". И стало у нас два хранителя Музейного Фонда.

Знакомство и дружба с Бехтеевым продолжалась всю жизнь. В 22 г. я вышла замуж, а вскоре и Бехтеев женился. В Коллегии мы уже больше не работали. У Бехтеевых мы часто бывали. Это был очень гостеприимный дом, где собиралось много интересных людей.

А в то время, о котором я рассказываю, Бехтеев жил в Шереметьевском переулке в квартире, где жили : Елена Николаевна Афанасьева (полная ее фамилия была : Арнольд-Арко-Афанасьева) - очень красивая дама лет 50-ти, ее дочь Ольга (обе они работали в Коллегии), два ее взрослых сына и Волконский Сергей Михайлович, о котором Бенуа в своей книге "Александр Бенуа размышляет" пишет : "Сергей Михайлович Волконский - человек высокообразованный, писатель и театральный деятель. В 1899 году был назначен на пост директора Петербургских императорских театров".

Высокий, худой, внешне очень напоминавший Дон-Кихота, на длинных тонких ногах в обмотках. Таким он остался у меня в памяти.

Ольга была моей подругой, и я постоянно у них бывала, часто оставаясь ночевать. Бывал там и Борис Эрдман. Звали его тогда Бобби. Они работали с Бехтеевым в цирке в то время - делали эскизы костюмов и занавес.

Помню, мы с Ольгой, Эрдманом и Бехтеевым пошли в цирк, уже ночью, когда кончилось представление. Они водили нас по всем помещениям, обо всем рассказывали, и было очень интересно. То вдруг на манеж выбежит собачка, то где-то зарычат львы. Именно с тех пор меня всегда привлекала жизнь цирка, я и теперь люблю читать о цирке и жизни цирковых артистов.

С нежностью вспоминаю П.П. Муратова. Он был намного старше меня и относился ко мне очень заботливо и трогательно. Помню, один раз пригласил меня встречать Новый Год к Борису Робертовичу Випперу (Виппер - историк искусства, сын известного историка. В 20-е годы они оба были высланы с группой профессоров и ученых, теперь это кажется диким, за границу. Впоследствии он, профессор Угрюмов, Кривошеин и еще несколько человек вернулись).

Через Муратова же знакомство с художником Николаем Павловичем Ульяновым. А познакомив с Чайновым, Павел Павлович через некоторое время стал меня уговаривать, почему бы мне не выйти замуж за Чайнова, соблазняя тем, что у того был автомобиль, и посему, наверное, считал это блестящей партией. Конечно, это было не всерьез, и Чайнов об этих прожектах П.П., надеюсь, не подозревал.

Во всяком случае, знакомство с Чайновым привело к тому, что он предложил мне иллюстрировать его книжку "Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей", а потом и вторую - "Необычайные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина". Но это было несколько позже, в 24 году.

"Венедиктова" я подарила Михаилу Афанасьевичу Булгакову. Это была та книжка, о которой Маризтта Чудакова в журнале "В мире книг" (№ 12, 1974) писала : "... еще одна книга, изданная в том же 1922 году и, возможно, тогда же и купленная, долгие годы стояла в библиотеке Булгакова и пользовалась, по словам жены, особенной его любовью. Это маленький томик, на обложке которого начертано : "Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей".

Опять я сильно отклонилась от главной темы. А хочу я сейчас вспомнить о нашем знаменитом вечере. Все было на высшем уровне. Кроме буфета - угощали лепешками из пшенной каши. Из выступлений помню хорошо два. Первое - танго в исполнении Шурочки Ясюнинской, девицы из богатой семьи, по-моему, и в то время жившей широко. Партнером ее был профессиональный танцор, поставивший их номер. Он был во фраке, а Шурочка специально для этого вечера сшила платье у Ламановой. Платье было бальное, с большим декольте и длиннющим шлейфом. На фоне костюмов того времени производило ошеломляющее впечатление.

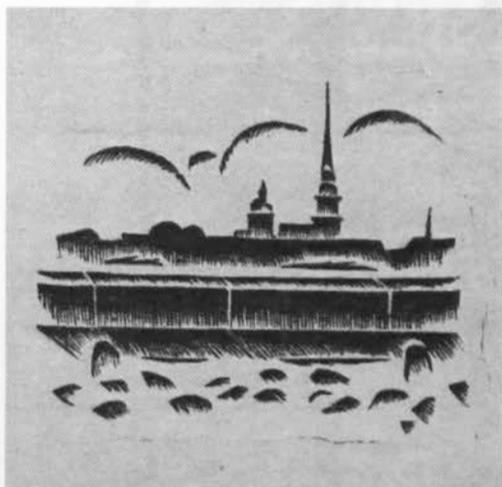
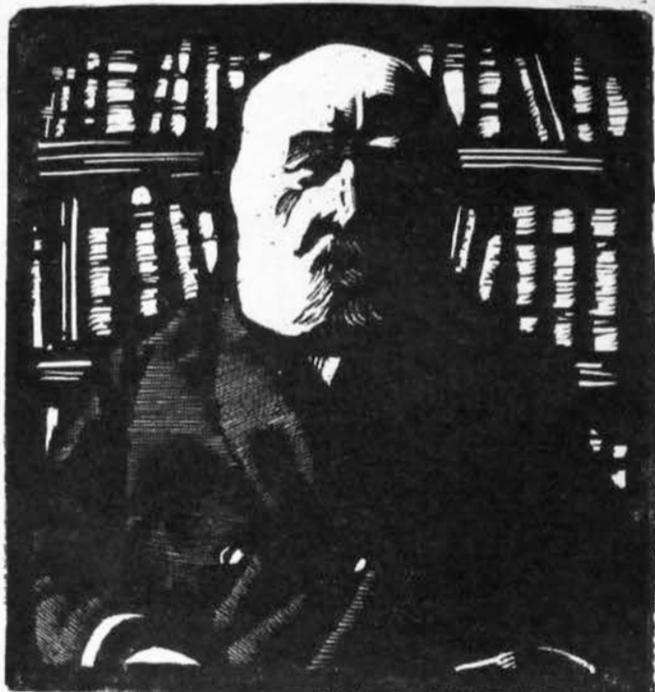
Второй номер (в нем я участвовала) - была инсценировка известной песенки "Три красавицы Мадрида". Содержание такое : три испанки - донна Клара, Делорес и красавица Пеппита встречаются молодого нищего. Донна Клара дает ему реал, Делорес - два,

"А Пеппита так бедна,
Не имея ни реала,
Вместо золота она
Бедняка поцеловала"

Нищий на все три реала покупает розы и преподносит их Пеппите. А роли исполняли : Донна Клара - Ольга Ляпина, впоследствии жена наркома просвещения А.С. Бубнова, Делорес - я, Пеппита - Ольга Афанасьева, молодой красивый нищий - Бобби Эрдман, бывший в то время тонким, стройным юношей. Вся эта трогательная история шла под музыку. Бывший директор императорских театров, внук декабриста Сергей Михайлович Волконский аккомпанировал. Прямо скажу - такие артисты, как мы, никак не были достойны такого аккомпаниатора. Петь у нас никто не мог, но все шло под мелодекламацию. Кто читал - не помню.

А в подвальном этаже в это время жили Морозовы - Маргарита Кирилловна с Микой и Марусей. Тогда я с ними не была еще знакома, а позднее, когда Музейный отдел переехал на Кропоткинскую, в дом, где теперь Музей Пушкина, а дом 9 по Мертвому переулку заняло Норвежское посольство, мы с Колей бывали в этом подвальчике, кстати, очень уютном и хорошо обставленном, т.к. много вещей и картин сохранилось. Вскоре Марусю отправили за границу, а знакомство с Микой продолжалось долго.

Но это уже совсем другие воспоминания, и потому я "Мемуары" на тему "Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины при Наркомпросе" на этом кончаю.

Поздравление от Любощинских и Жедринского

2

ИРЯ

ЖЕДРИНСКИЙ

1918

Москва

ИЗДАТЕЛЬ

Т-ва

«КЕЛС»

О Валь давно ужь обьжалю
ко дню рожденья катисать,
при рава ткётко каткчалю
Н все же - будемъ продолжатъ!

Нокелю, съ вашими стихами,
посланье какъ не срафкить,
Ностроумкоти и строфами
Мои Васъ не сможетъ удикить.

Нуда какъ! - Пслбъ „Пбтущейлв“
какъ стодко братсья Валеро...
Подуматъ страшно, - кеужели,
Пворенне беднохъ дуль Пверо,

Да не иптая разоррете,
и клога вокинчоръ оз седро,
Слокойко регеромъ уснете
Подъ демисментъде денихъ риего.

Нбтъ, мои не обрими! Поздравленя
ои примете отъ дуль Пверо,
и оз элота ясной денъ рожденья
Возметесе снова за леро.

Вибцижкѣ

26

В. К. Кочко

Москва, 1918 год. Сокольники. Зубовский, 15.

(Фрагменты статьи «Детская литература №3 1987 год»)

Наталья Ушакова. Ее имя часто упоминают — те, кого занимает жизнь Михаила Булгакова. «Настоящему моему лучшему другу Н. Н. Лямину», — написал в 1925 году Булгаков на книге «Дьяволиада». Ушакова была женой Лямина. Она и сегодня живет в той же самой комнате многонаселенной квартиры в Савеловском (ныне — Савельевском) переулке, где когда-то проходили ставшие знаменитыми булгаковские чтения.

В этой квартире все историческое. «В громадной, до крайности запущенной передней... стоял громадный ларь, обитый железом», мимо которого пробежал безумный Иван Бездомный, преследуя Воланда. Мимо этого ляминского ларя и сейчас надо пройти, чтобы попасть в комнату Ушаковой, в которой сохранен печальный быт ее молодости: «И столовая, и гостиная, и спальня, и кухня и... кладовая», — с улыбкой говорит хозяйка. Эту комнату — с булгаковскими фотографиями на открытой крышке старинного бюро, сочной живописью Сапунова над старым диваном, портретами «неизвестных» из XVIII века, с витающими в ней воспоминаниями — частенько посещают дотошные поклонники «Мастера и Маргариты», как-то мало интересуюсь самой хозяйкой. В статьях о ней тоже вскользь: художница Ушакова... А нам она тем и интересна, что художница — детской книги. Наталья Абрамовна со смущением подает обернутую в газету и перевязанную бечевкой тонкую пачку книг: неужели это кому-нибудь нужно...?

Развязала. Развернула. Детские книжечки давних-предавних 20-х годов, которые увидишь теперь разве что у коллекционеров да в книгохранилищах. Небольшой формат, мягкая обложка, пожелтевшая бумага, рисунки в одну-две краски... Что-то наивное, простодушно-доверчивое, подкупающее безыскусственностью и искренностью.

Эти книжки Ушаковой — тот сначала несмелый, робкий ручеек, который втекал вместе с другими в одно русло и образовывал общий поток книжных изданий. Он креп, формировался, набирался сил; росли и развивались художники.

Ушакова любила рисовать предметы. В детской книге она рисует трамвай, пароход, телефон, трактор, детей на коньках, на лыжах, малышей среди предметов домашнего обихода. Все схематично, но живо, даже весело. Это-то, наверное, и привлекало издательства — в ее рисунках не было скучной назидательности, — сам подход к книге соответствовал тогдашним к ней требованиям. Опытный Я. Мексин, редактор Госиздата, давал ей одну книгу за другой. Правда, рисунки нередко сопровождали нелепые тексты, подобные вот такому: «Таня и Ваня жили в Москве, думку имели они в голове...» Удавалось Ушаковой и разное зверье. Она нарисовала тигра, льва, пуму в книжке С. Федорченко «Вот так киски» с детской симпатией к страшным хищникам, — такими их представляет ребенок — любитель зоопарка и сказок.

Первой ее изданной книгой стала поэма в ту пору известного писателя и общего друга «пречистенцев» Сергея Сергеевича Заяицкого «Клю и Кля», вышедшая в 1925 г. в кооперативном издательстве «Земля и фабрика». Сразу получилась обложка — Ушакова как-то ловко и точно скомпоновала рисунок: фехтующие обезьяны-циркачи в резком ракурсе под геометрически четкими буквами заголовка, смело и размашисто положенного на лист. Внутри книжки рисунки были послабее, неувереннее, но молодая художница явно чувствовала книгу — лист подчинялся ее конструкторским замыслам, пусть ученическим. Так было и в дальнейшем. Обложки — всегда наибольшая удача.

На обложке книжки Льва Зилова «отгадай-ка» (Госиздат, 1926) — плывущий в правом нижнем углу по предполагаемому морю пароход, пускающий дымок, в правом верхнем — вздымающийся вверх аэроплан, поперек пересекает эту диагональную композицию заголовков — буквы лежат не по строгой прямой, линия немного изогнута, и это усиливает динамику. Все, таким образом, подчиняется внутреннему смыслу: речь будет идти о предметах движущихся. «Владимир Михайлович Голицын, он был моряк и художник, очень ругал за этот пароход — улыбается Наталья Абрамовна, — говорил: «Хотел бы я посмотреть, как бы Вы на таком пароходе доехали бы». Но ведь сразу видно, что это пароход, а не что-нибудь другое, правда?» Ушаковой безусловно не хватало профессионального рисования, но практика делала свое дело. Она рисовала для «Земли и фабрики», «Федерации», «Недр», «Молодой гвардии», Музгиза, больше всего для Госиздата, потом для Детгиза, «Детского мира» — «Малыша», за что была принята в члены Союза художников СССР.

Ее способность точно и живо воспроизводить предмет шла, очевидно, и от занятия фотографией (кстати, это Н. Ушаковой принадлежит известное фото Михаила Булгакова 1935 года на балконе дома в бывшем Нащокинском переулке, считающееся одним из лучших). Занятия фотографией наряду с рисо-

ванием развивали точность глаза, наблюдательность, понимание и чувство предмета. В 1929 году она проиллюстрировала серию для маленьких доктора Корноухова (так значитса это имя на обложках) — «Как кушать», «Зачем вода», «Солнце и воздух» — рисунок живой, непосредственный; крохотные книжицы, где простота изображения соответствовала неприятельности текста, и сейчас хочется разглядывать. В таком ключе Наталия Абрамовна продолжала работать и дальше, развивая в книгах игровое начало. Во время войны она вместе с художником-конструктором Ю. Бугельским разрабатывает для Детгиза новый тип книжки-игрушки. Их книжки-игрушки «Елка», «Книжный киоск» со стихами самых известных детских поэтов, «Щенок» со стихами А. Барто 8 февраля 1945 года обсуждаются на заседании Комиссии по рассмотрению художественного оформления книг для дошкольного возраста, которое вел В. Лебедев, работавший в то время в Детгизе художественным редактором. Сохранилась стенограмма, которую проанализировал В. Глоцер. Лебедев одобрительно относится к изданиям, к самой идее книжки-игрушки. Он делает несколько коротких, выразительных замечаний чисто профессионального характера, их учит Н. Ушакова, когда будет позднее конструировать по заказу издательства «Детский мир» авторские книжки с игровыми элементами. В 60-е годы оформленный ею парфюмерный набор «Мойдодыр» был любимым подарком малышам. Наталия Абрамовна Ушакова иллюстрировала стихи Маршака, Барто, Михалкова, Чуковского, Кончаловской. Она обращала внимание ребенка на самые обыденные предметы реального мира — делала это с удовольствием, с детской доверчивостью не устающего удивляться и радоваться жизни человека. Она с благодарностью вспоминает работу с В. Лебедевым, С. Алянским, редактором Музгиза А. Евменовым, — они поощряли ее интерес к книжке-игрушке.

В. Лебедев становится художественным редактором ряда ее книг и, как когда-то Н. Купреянов, обращает ее внимание на рисунок. Наталия Абрамовна вспоминает, что он любил говорить: «Когда основа рисунка крепкая, тогда вы можете с ним делать все, что вам нравится».

...Не первый раз прихожу к Наталии Абрамовне. Мы садимся за круглый, небольшой, покрытый скатертью стол с необходимыми для нее в повседневности вещами. Попиваем фруктовый сок, и она с робкой смущенной улыбкой снова приносит по моей просьбе аккуратно завернутую в бумагу и тщательно перевязанную бечевкой пачку своих первых книг. «Неужели это кому-нибудь еще интересно?..»

ИЗ ПИСЕМ КУПРЕЯНОВА Николая Николаевича к УШАКОВОЙ Наталье Абрамовне

Н.Н. Купреянов. - Литературно - художественное наследие. Москва. "Искусство", 1973 г.

[Петроград]

6 / VI 1919

[...] Что делаете Вы интересного? Мне очень хочется видеть Ваши работы - не обязательно и не только гравюры. Если соберетесь ехать сюда, захватите мне показать.

[Петроград]

1 / VII 1919

Я рад за Вас и отчасти завидую Вам, что Вы в Коллегии. В каком Вы отделе? Какая Ваша работа? Напишите. Почему скучно? По-моему, совсем не скучно. Я, уезжая сюда, очень не хотел расставаться с Коллегией.

А главное, для Вас, хорошо, что теперь Вы не в такой кабале у Центросоюза. Вы теперь много рисуете?

Только не поддавайтесь очарованию всяческого ретроспективизма, чего, наверное, сейчас так много кругом Вас. "Свое" искусство должно быть совсем другое, и совсем не висит (или, по крайней мере, при мне висит) в Коллегии. А соблазн этот очень велик. Я очень остро сам это испытываю. Люблю Эрмитаж, не люблю Сезанна и Альмана, а сам в работе как-то уподобляюсь им. Меня это в Москве очень занимало, и с Эфросом и с Муратовым мы об этом говорили. Они этого, кажется, не понимают.

Я буду с нетерпением ждать Вашей гравюры. Вы мне пришлете, правда?

Гравюру с мостом и ех libris¹ пришлю Вам. Гравюра с мостом, кажется, не очень удачна. Есть очень плохо нарисованные места и они меня раздражают.

Конечно, с радостью буду Вам покупать и посылать какие хотите книги. Вообще, если Вам что-нибудь будет нужно и я смогу это исполнить, пожалуйста, пишите мне.

Конечно, Вы получите и Rimbaud, не знаю только, когда это будет. У меня все готово, но с типографиями возня ужасная. Две книги стихов Блока и Белого с моими обложками, сданные в печать еще в марте, до сих пор не вышли ("Алконост").

"Борис Годунов" - работа неинтересная. [...] Впрочем, работать все-таки приятно. Вообще Литературно-издательский отдел Народного Комиссариата по Просвещению, издающий "Бориса Годунова", по характеру работы (и по бесконечному ее количеству) похож на Центросоюз. Те же достоинства и те же недостатки.

Очень развивается работа в моей литографской мастерской. В моих руках сосредотачиваются все работы для Отдела Изобразительных Искусств. Правда, хорошо? Впрочем, тоже мало интересно. Интереснее "Странствующий Энтузиаст". Там мне предстоит работа над книгой Ремизова (это другое, чем в "Алконосте") и над книгой стихов Ронсара в переводе Кузьмина. Есть еще виды на Бальзака "Contes drolatiques"², но я думаю, что это совсем не по мне.

Ожидаю с великим нетерпением повестей Гофмана (иллюстраторы Бенуа, Добужинский и Головин). К сожалению, ложкой дегтя в бочке меду является Головин. Об этом, кажется, я уже писал Вам.

Вот по художественно-книжной части, кажется, все. "Настоящего" рисования мало. Только то, что удается делать в Зоологическом саду. Носорог - зверь совершенно увлекательный.

Ах да, вот еще Вам бы понравилось: здесь есть некий орден "обезьяннего знака Асыки 1-го". Орден имеет, кроме самого Асыки 1, великого князя - он же престолонаследник, 7 князей и значительное число кавалеров, одним из коих имею честь быть я. Знак ордена имеет 3 степени, жалуется за преданное и верное служение искусству. Стиль, дух всего этого - ремизовский. Так вот, недавно орден подносил по какому-то случаю приветственную грамоту Максиму Горькому. Очень занятно.

Впрочем, я не знаю, как Вы относитесь к Ремизову. И вообще, каковы Ваши литературные вкусы.

Итак, до свидания. Скоро пришлю гравюры и деньги для Павлова [...]

[Петроград]

29 / VII 1919

[...] Спасибо за гравюру. По-моему резана она неплохо для первого раза и Вам нет причин приходить в огорчение. Мне она не очень нравится с других точек зрения - вообще как художественное произведение. Както истасканы и потеряли свою выразительность белые колонны и прочий арсенал эстетики Добужинского и К. Первый рисовал эти вещи Борисов-Мусатов - рисовал скверно, но столько вложил чувства в свои картины, что они живы до сих пор. Он сам увидел их. А вы не сами. Ведь это общая судьба художественного образа: он тем действеннее, чем с большим трудом найден. Взятый от другого, он теряет силу [...]

И жизнь пока разве такая, чтобы мы могли "перешивать" белые колонны? Я думаю - нет. Не "втиснуть в огрубелое ухо нежное слово" (из Маяковского)*.

Борисов-Мусатов еще застал ту жизнь, которую воспел. А мы ездим на трамваях и иногда имеем дело с броневиками - создайте же искусство из современной жизни, Вас окружающей. Пережитость образа - гарантия подлинности искусства.

Почитайте об этом, если интересно, "Поэтику" (только что вышла) - сборник статей Брига, Шкловского и К. Это - о литературе но *mutatis mutandis* очень относится и ко всякому искусству. И еще "Сборники по теории поэтического языка". Очень помогает. Есть у Эфроса - попросите у него.

Это ничего, что я так пишу? Боюсь, не слишком ли назидательно. Впрочем, должно быть ничего.

Был ли у Вас Тырса? Он вдруг сорвался с места и помчался в Москву, взяв у меня Ваш адрес и сказав, что все устроит с досками. Устроил?

Да еще думаю по поводу Вашей гравюры - что надо Вам во что бы то ни стало рисовать. Я думаю, что не слишком необходимо ходить в школу, в мастерскую и т.д. Заведите себе тетрадку небольшую, и рисуйте все - воду, в реке и стакане, новый платок до стирки и после. Самое трудное, я думаю, научиться видеть вещи. [...]

[Петроград]

30 / VIII 1919

Тата, простите, что так долго не отвечаю. Это очень нехорошо. Спасибо Вам за гравюры - Вашу и Фаворского. Я с удовольствием, если Вы того хотите, буду писать Вам о Ваших работах и вообще все, что будет думаться по этому поводу. Только тут сразу разговор выйдет из круга тем узкопрофессиональных. Это ничего?

Новая Ваша гравюра мне нравится гораздо больше первой. В ней больше специфически графического, тогда как в первой было очень много литературного "называния" предметов (в противоположность пластическому их "переживанию").

Я не уверен, что твердо знаю границу между требованиями "общеобязательными" и требованиями моего личного вкуса, и потому хочу быть осторожным в оценках и пожеланиях; но если об этой осторожности забыть, то хотелось бы видеть такие Ваши работы, в которых бы не участвовало чужое творчество. Это не значит, чтобы они были свободны от всяких влияний, но чтобы объектом Ваших эстетических эмоций было бы что-нибудь не "художественное" само по себе.

Ибо тогда все "творчество" принадлежало бы Вам. А сейчас Вы делите его с мастерами, создавшими Львиный мостик и всю художественную внешность усадебного, помещичьего быта, так же как Александр Николаевич Бенуа в своих Версалемах вдохновленных картинах делится творчеством с теми, кто создал Версаль.

Только, Тата, Вы тоже пишете мне все, что по этому поводу думаете. Пишу об этих вещах уже второе письмо, а Вы о том, что писал прошлый раз, ни слова не ответили. Неужели Вы собираетесь читать мои "назидательные письма" и держать меня в неведении о своих по поводу них соображениях?

Послал Вам, наконец, гравюру с мостом. С тех пор сделал еще одну большую гравюру, но с ней ничего не вышло, я ее даже не совсем кончил и недели две даже не видел ее. С офортами тоже слабо: один сделал, второй начал и застрял на нем.

Делали ли Вы еще что-нибудь? Показывали ли Эттингеру? Что он сказал? Какие у Вас в этой области отношения с Эфросом? По-моему, ему интересно показывать, он много может помочь, хотя, кажется, многого не понимает, по крайней мере, так, как понимал я.

Мне жалко, что у Вас ничего не выходит с рисованием. Почему? Я почему-то привык думать о Вас, что Вы всегда умеете осуществлять свои намерения и желания? А тут ведь дело важное...

Впрочем, очень трудно. Я тоже, в сущности, больше думаю об этом, чем делаю.

[Селище]

29 / VIII 1920 г.

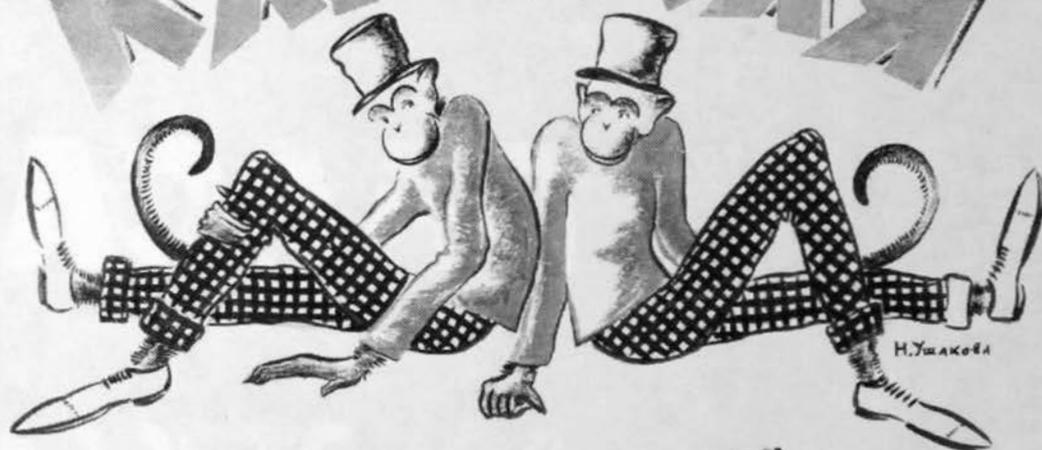
Тата, напишите о себе, мы давно не виделись. Только напишите "по настоящему", о том, что интересно. Я соскучился по Вас, по Абраму Марковичу и по московским друзьям. [...]

Сделаны ли Вами, Синезубовым*, Вадимом Дмитриевичем и другими те плакаты, для которых мы подавали Анатолию Васильевичу эскизы, когда я был в Москве последний раз? Если да, то, может быть, Вы бы смогли достать их для меня? Тата, раньше у нас был обычай доставать друг для друга разные такие пустяки, вроде книг, плакатов, гравюр и т.д. Теперь он как-то давно не осуществляется, - его можно было бы восстановить? Если бы оказалось, что можно, то я бы очень хотел получать книги и хорошие плакаты, выходящие в Москве, и из книг прежде всего очередные №№ "Художественной жизни", которых у меня нет - начиная с третьего №. Я не совсем уверен, что можно так просить, хотя это и пустяки, а Вы что об этом думаете?

С.С.ЗАЯЦКИЙ

КЛЮККА

„ЗМАЯ И ФАБРИКА“

В. Маяковский

ИСТОРИЯ ВЛАСА ЛЕНТЯ И ЛОБОТРЯСА

рис Н. Ушаковой

Молодая Гвардия

КИРГИЗСКИЙ

ТАНЕЦ

МУЗЫКА

Г. А. БЕРЕЗОВСКОГО

... и видна даже, как черная карета, увозящая
Настасью Федоровну, показавшаяся мне исполнител-
ской, скрылась за углом и... рину Спасе, что в Копье.
направляясь куда-то по Петровке".

ВЕНЕДИКТОВ

ИЛИ

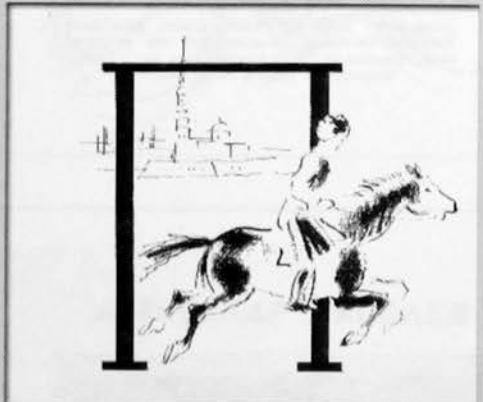
**ДОСТОПАМЯТНЫЕ
СОБЫТИЯ
ЖИЗНИ МОЕЙ**

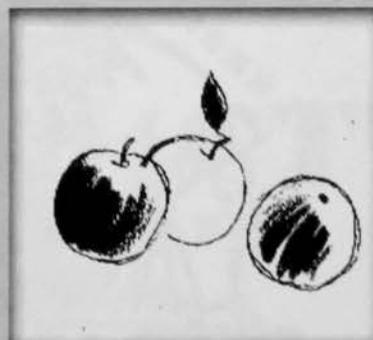
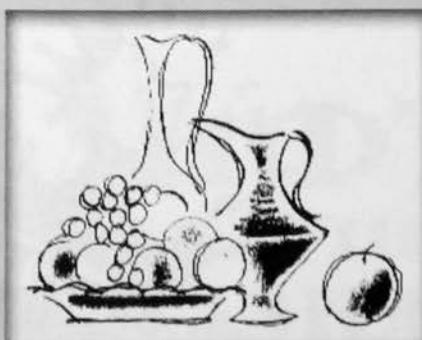
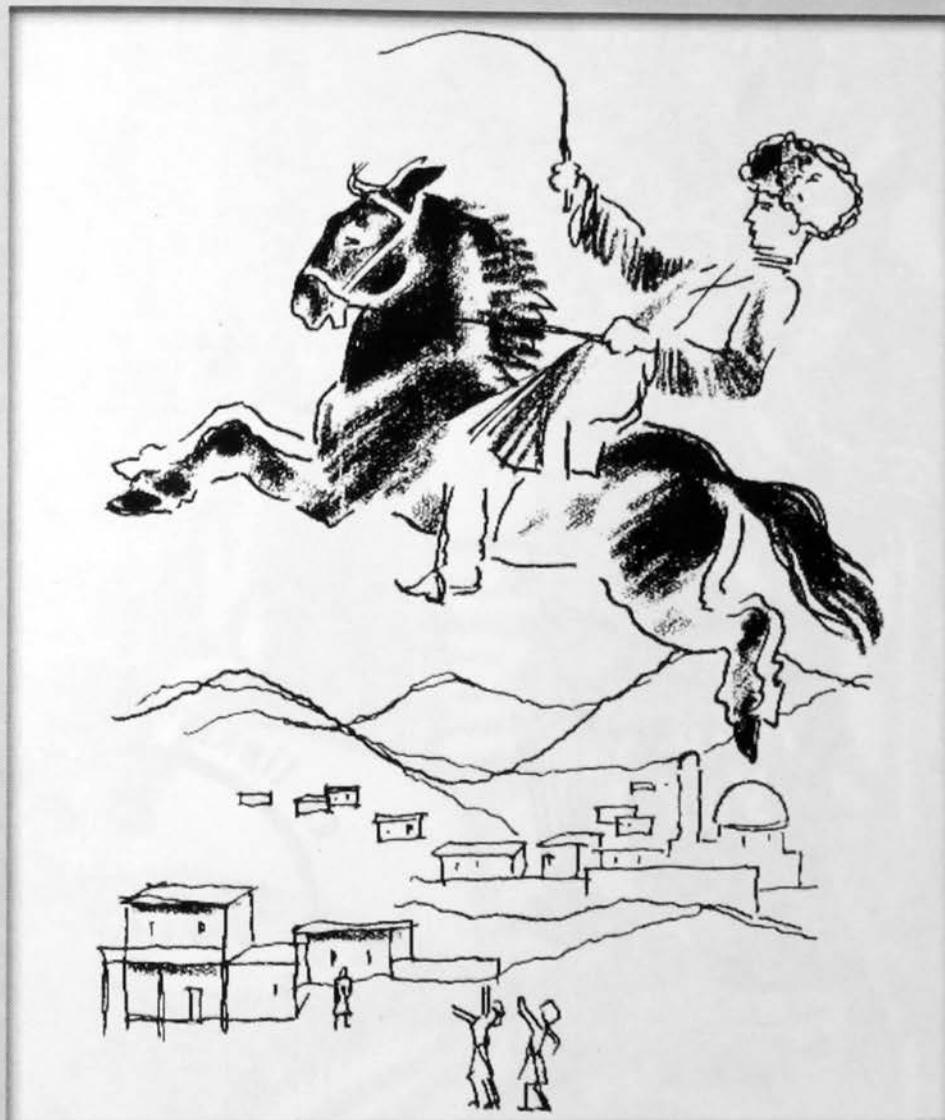
РОМАНТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ
НАПИСАННАЯ БОТАНИКОМ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
ФИТО-ПАТОЛОГОМ У

МОСКВА

УГОД РЕСПУБЛИКИ

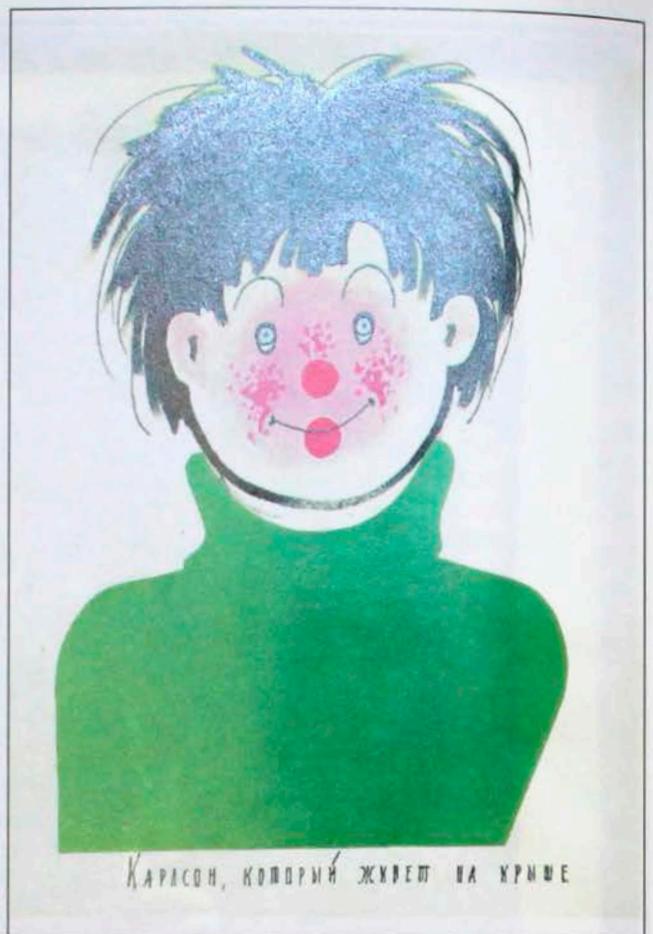

Н.УШАКОВА 1918.

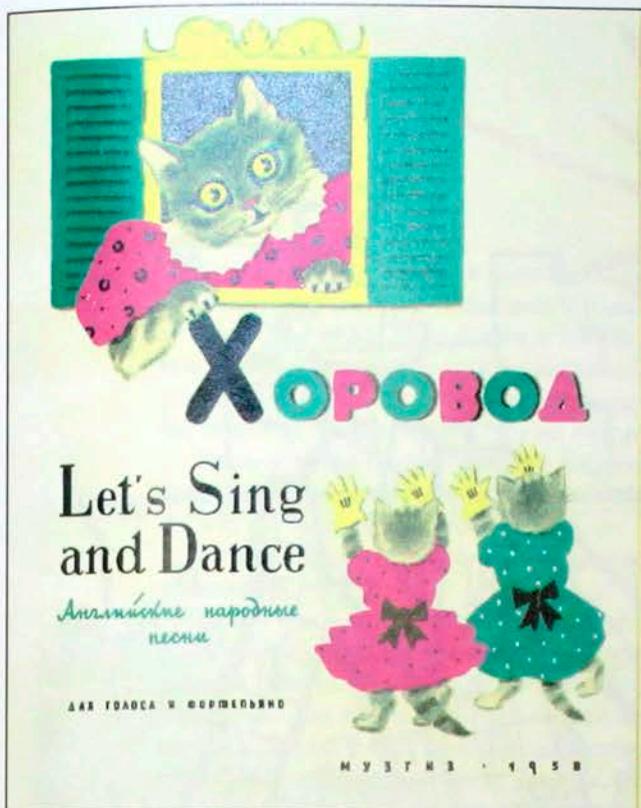

КАЛИФЪ АИСТЪ
РИС. УШАКОВОЙ
СКАЗКА ГАУФА

КАРАСОН, КОТОРЫЙ ЖИВЕТ НА УРШЕ

ПИСЬМО

Л.Е. Белозерской - Булгаковой
к Н.А. Ушаковой
9 мая 1928 г.

Старый дружище БОБ, (я читалась английских романов в этом жанре) жму тебе лапку и сердечно приветствую. Наконец и у нас тепло. Вчера увидела знаменитый зеленый сад и поняла в чем дело. Дело, Бобби, в цветах. Господи, сколько их ! Большие. Вид их вызвал во мне цветочную чесотку - так бы надрала букеты ... Но нет, все в садах и за ними приглядывают, и вот пробралась я в рощицу из рододендронов и здесь уже похозяйничала. Я о Вас часто думаю и очень жалею, что вы не с нами.

Здесь есть где погулять, но все в другом духе, чем Крым, - здесь скорей напоминает мне дачу на Босфоре. Батум - это гадость. Бобби, здесь ботанический сад и можно купить кактусы, что я и сделала, для тебя и себя.<...>

А третий не помню, что-то интересенькое. Вообще всякими красотами страшно хочется поделиться.

Жалко ими в одиночестве пользоваться. Коля бы ворчал, попрекал бы "пошлостью", помнишь как в Крыму, но я очень довольна, особенно после Московских, средне-русских унылых, унылых равнин. Мы выехали 21-ого апреля в пятницу, в понедельник 24-го мы были в Тифлисе. Было так жарко, что спать можно было только с открытыми окнами, а ходить в одних платьях. Тифлис очень своеобразен, особенно за Курой в некоторых местах как у нас Замоскворечье, у них, должно быть, Закурье. Вот там очень и очень неплохо.

Пьют, Бобби, кахетинское. Довольно-таки большая гадость, а лопают траву, тархун с сыром (неплохо), шпинат с орехами (угощу в Москве) и цыпленок табака, об этом расскажу. Еще едят лобио (ничего себе). Грузины шовинисты, нас не любят, глаза у всех черные, масляные. Страшно шумный народ. В Тифлисе мы нашли замечательно расписанный духан. Об этом все

подробно расскажем. Заходила ли ты к нам, Бобетта, в "nicl d oisau" ? Жива ли моя доченька, все ли благополучно у Мари, не умыкнул ли ее приказчик из соседнего кооператива.

Ты мне все опиши, миленький Бобик. Я по тебе соскучилась и с удовольствием бы похихикала над чем придется. "Кулю" поцелуй, Пате и Анне Ильичичне привет. Всем, кто нас помнит, тоже привет. Я надеюсь получить от тебя письмо, полное незлобных (как тебе и приличествует) домашних сплетен. Не забудь, что я в Аджаристане, а ты в Москве и что "и дым отечества нам сладок и приятен". Крепко целую. Как поживает Абрам Абрамович? Передай ему, что его ботанически-агрономические познания были бы здесь как нельзя более кстати. Что Леля, Арсен Люпен и Тютя? Боба, я тебе пишу, а соловей разливается, небо темное все в звездах. Мы, конечно, первым делом нашли Большую Медведицу. Адрес наш: Батум, почтовый ящик 14, дача Стюр, нам. Что наши милые Стронские ?

Привет ! Люба.

Дорогие Тата и Коля !
Передавайте всем привет.
Часто вспоминаем вас.
Ваш М.

ВЛ. ДОЛГОРУКОВ

КАРТИНКИ Е. ТОПЛЕИНОВА

Пурпурна красна? Нашими Абрамови
Давно било пожелало оти доха. Вина
Сирок. Влад Димитров
26/11/26.

А в Картинами
малко време

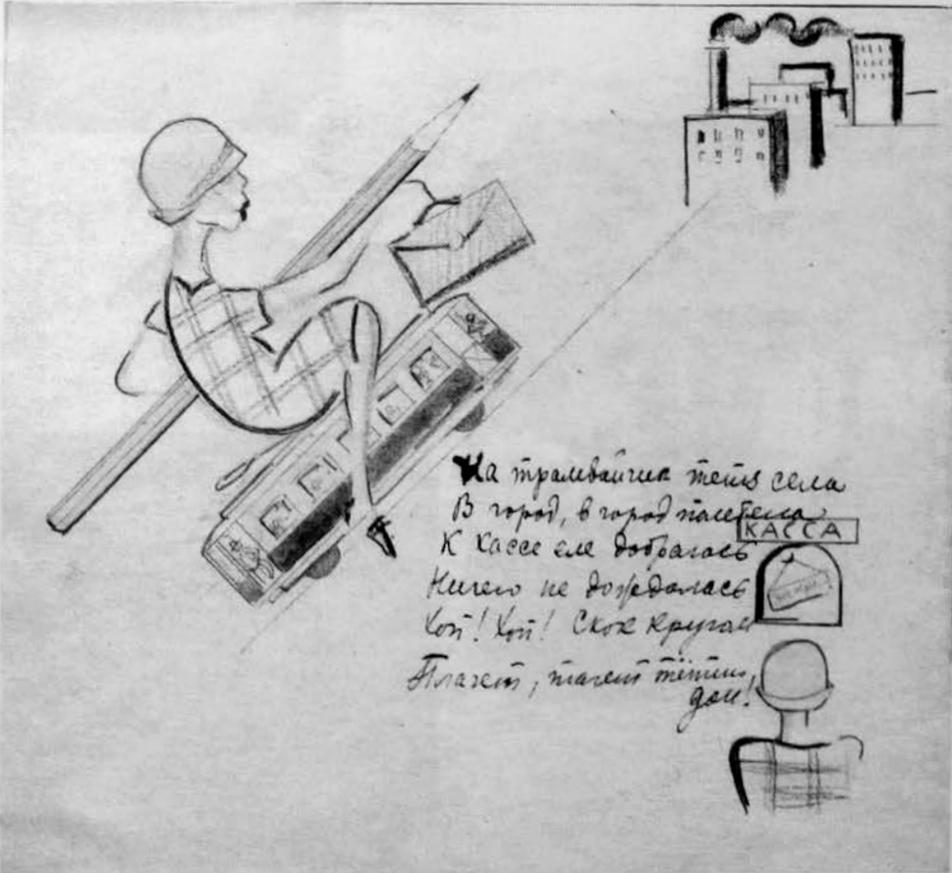
(Signature)

26/11/26

Грива-Авора
 Мисис Талман
 Рампа

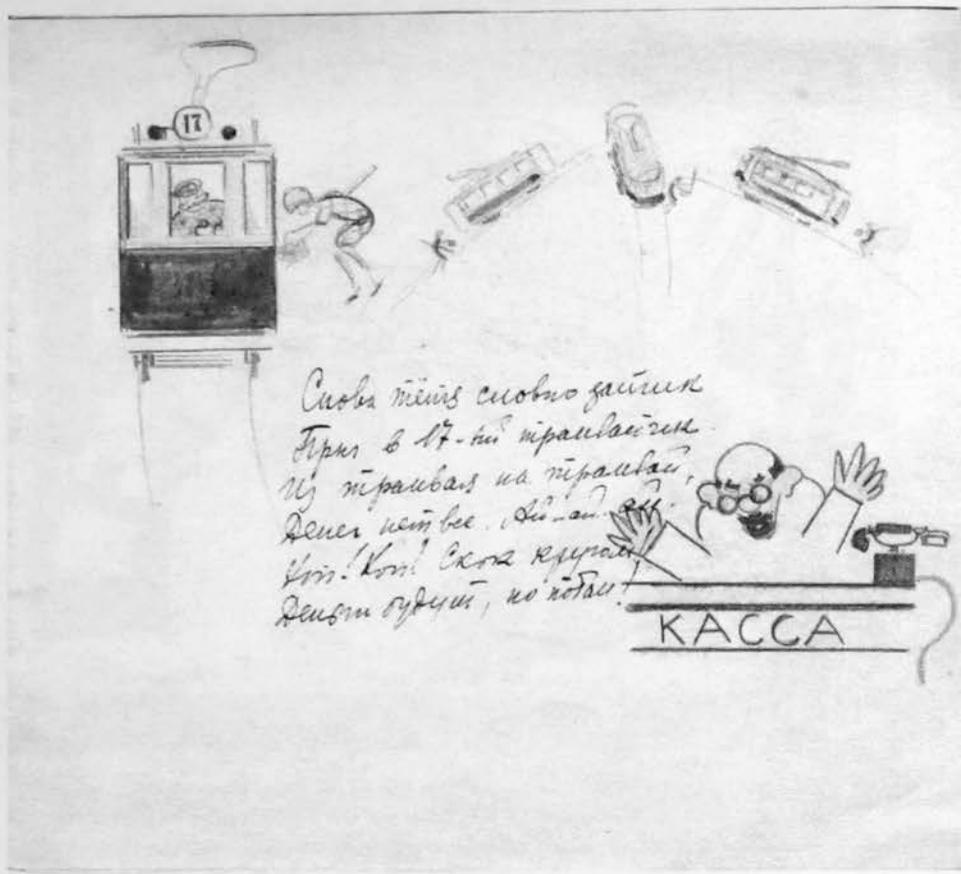

Мисис Талман в сад
 Карадагских мау на
 Нам Карадагских мау на
 Нам Карадагских мау на
 Кон! Кон! Слов Карадагских
 Карадагских мау на!

На Карадагских мау на
 В сад, в сад Карадагских
 К Карадагских мау на
 Карадагских мау на
 Кон! Кон! Слов Карадагских
 Карадагских мау на!

КАССА

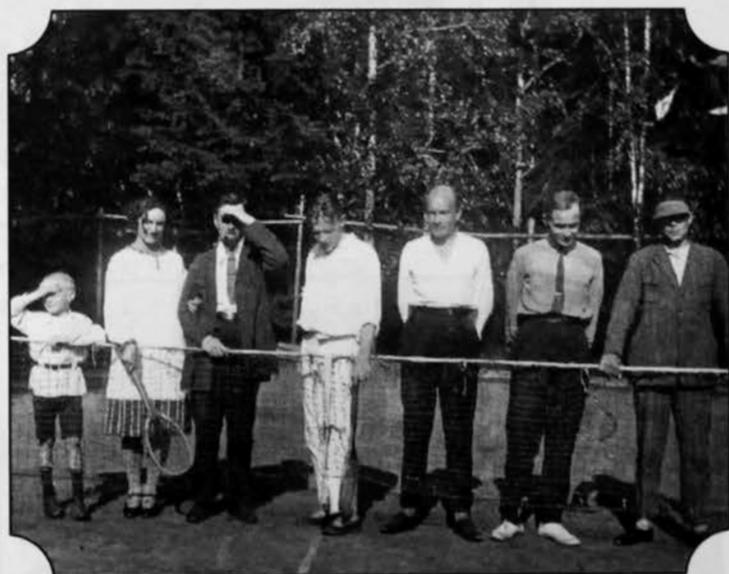

Слова мои словно зайчик
 Лепит в 17-й направлении
 Из правды на правду,
 Делает не все. *Сидит он.*
 Копи! Копи! Слова кривые
 Делают судью, но не бога!

КАССА

*Цшакова - Аямина
Москва, Кавказ,
Калуга*

«К истории моего собрания детских книг».

Фрагменты статьи

Рац М. В. «Старая детская книжка. 1900-е — 1930-е годы. Из собрания профессора Марка Раца».

М, 1997г.

Общение с художниками, работы которых я собирал, сыграло большую роль в формировании моих вкусов и интересов. Застал я, правда, уже немногих, и более или менее устойчивые отношения сложились только с В.Курдовым, Л.Жолтксвич и Н.Ушаковой. Лидия Александровна и Наталия Абрамовна относились к тому классическому типу старых русских интеллигентов, который и раньше был мне хорошо известен: мама с папой и их друзья (в упоминавшихся „Заметках" я писал, в частности, о М.Кнебель и Лазаре Владимировиче Розентале) принадлежали к тому же кругу. Это были люди, которым можно было, что называется, испортить жизнь, но которые при этом сохраняли свои духовные интересы и ценности, сложившиеся до „исторического материализма": его нормы ведь еще только складывались в двадцатые годы и не успели пронизать всю толщу общества. На старости лет, уже оставив работу, они жили своей

внутренней жизнью, отделенной от коммунального окружения (и Л.А., и Н.А. обитали, кстати сказать, в коммунальных квартирах).

Не могу не привести здесь и рассказ Н.А.Ушаковой, спровоцированный моим вопросом о том, почему она после нескольких удачных, на мой взгляд, опытов (она училась гравированию у Н.Купреянова) оставила работу в гравюре. „Уезжал за границу художник... Он потом стал очень знаменитым... и попросил у меня инструменты. Я ему все и отдала". Не сразу она вспомнила имя художника: Марк Шагал.

В ответ на мою просьбу пополнить собрание своим портретом Н.А. нарисовала себя такой, какой она была во времена „Ботаника X" (в 1920-е годы она иллюстрировала „Парикмахерскую куклу" А.Чаянова). На рисунке она изобразила себя в шубе с „каким-то кусачим воротником", которую носила в те годы.

ВОСПОМИНАНИЯ НАТАЛИИ АРСЕНЬЕВНЫ ОБУХОВОЙ — ПЛЕМЯННИЦЫ НАТАЛИИ АБРАМОВНЫ УШАКОВОЙ

Трудно писать о человеке, которого знаешь близко всю жизнь, но не позволявшего глубоко проникнуть в свою душу.

С самого раннего детства у меня было какое-то особое отношение с тете Тате (как я ее называла). Комната, обставленная антикварными вещами, - я знала - ничего руками не трогать!

А впечатление от первого посещения театра - это "комната даже больше, чем тети Татина!"

У нее свой мир. Очень взыскательный отбор друзей, особенно влиял на оценку человека его вкус в искусстве и окружающей жизни, - вкус изысканный, строгий. Сама всегда хорошо одета, строго элегантно. Манера общения шутивно остроумная. В трудных ситуациях была решительна и смела. Немногословна, но говорили огромные синие глаза - ирония, грусть, укор, и это без слов было понятно. Особенно было стыдно за малейший проступок, когда на тебя посмотрят эти осуждающие грустные глаза.

К близким ей людям была бесконечно добра, но иногда не без колких остроумных замечаний. Обожала делать подарки, помогала всегда в трудную минуту. Не забывала и многочисленных друзей и знакомых. И ей платили душевным теплом и добрым отношением.

Трагедией стал арест любимейшего мужа в 1936 году, а возвращение из лагеря в 1939 году - праздником. В Калугу (где был вынужден жить Николай Николаевич) с полными сумками продуктов ездила очень часто и подолгу там жила. Когда началась война, Наталия Абрамовна была в Калуге. Арест Николая Николаевича опять совершился на ее глазах. Долго скорбь в глазах только иногда сменялась надеждой. Так до конца дней своих она и не узнала, что случилось с ее самым любимым человеком.

Работала она много. С легкостью и удовольствием.

Последние годы Наталия Абрамовна полностью вошла в нашу семью. Взаимоотношения со старшей сестрой (моей мамой) были глубоко родственно-любящими, позволяющими постоянно подтрунивать друг над другом. Летом все вместе жили на

даче. В работе она тоже мне помогала. Очень любила своего племянника - сына своего рано погибшего брата. А потом внучатого племянника - моего сына.

Для меня она была лучшим другом и очень родным человеком.

Москва, апрель, 1999г.

**ВОСПОМИНАНИЯ
ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНА
УШАКОВОЙ-ЗИНГЕР—
ПЛЕМЯННИЦЫ НАТАЛИИ АБРАМОВНЫ УШАКОВОЙ**

Передо мной лежит стопка адресованных мне разрозненных, но точно датированных писем, написанных крупным, размашистым почерком. Сколько тепла и искреннего интереса к моим делам в этих письмах! Они знакомят не только с семейными событиями, но касаются и творческих вопросов, и прочитанных книг. Вот выдержка из письма от 25/IX-86 г. : "Дорогая Леночка! В дополнение к моему последнему письму хочу тебе написать относительно портрета М. Булгакова в книге "Самоцветный быт", которую, я надеюсь, ты сможешь скоро сама прочесть, а не знакомиться с фельетонами только по пересказам С. Дмитриенко. Думаю, что я знала Михаила Афанасьевича достаточно хорошо, чтобы с уверенностью сказать, что это не он на этом снимке. Даже Натуся, увидев его, сказала - "Это же не Булгаков", — хотя и не много раз встречалась с ним. Когда-то, кто-то из поклонников Булгакова принес мне несколько снимков - портреты Булгакова, ничего общего с ним не имеющие. Среди них есть и этот - мягковский. Когда приедешь к нам, напости мне, чтобы я тебе показала..." И еще. Письмо от 10/XI-87г. : "Дорогая Леночка! Связь моя с М. Чудаковой не кончилась, а напротив, возобновилась с удвоенной силой, если можно так сказать. Она дарит мне все свои работы о Булгакове. Ее жизнеописание М.А. Булгакова 6,7,8 номера журнала "Москва" у меня, конечно, есть с ее автографом в каждом №. Этим закончен I том "Жизнеописание М.А. Булгакова". Она сказала, что II том у нее уже написан и будет, наверно, печататься также в "Москве" в 1988 г. Теперь о фотографии на обложке журнала "Театральная жизнь" (№ 13, июль 87г.) - Булгаков с папироской. Ты ошибаешься - этот снимок не мой. Михаил Афанасьевич снимался в каком-то фотоателье. Но ты его, наверно, очень хорошо помнишь, потому что видишь его каждый раз, когда у меня бываешь. Он стоит у меня на секретере. Его в свое время подарил мне Михаил Афанасьевич с надписью "Тате дорогой от дорогого Булгакова". К сожалению, эта надпись почти совсем выцвела (плохие чернила!) А фотопортрет Михаила Афанасьевича моей работы напечатан в журнале "Советское фото", № 7, 1985 г. и считается одним из лучших (по сходству с оригиналом). Я согласна, что на этом снимке он больше, чем на других, похож на себя. Так говорили и все жены Михаила Афанасьевича".

Автор этих писем Наталия Абрамовна Ушакова. О ней в официальной печати несколько статей, в том числе статья Лидии Яновской в журнале "Советское фото", о которой речь идет в письме. Кроме того, в журнале "Детская литература" № 3, 87г. напечатана статья Л. Кудрявцевой "Пачка книг, перевязанная бечевкой" о художнике-графике детской книги Наталии Ушаковой. Наряду с репродукциями рисунков на обложках и разворотах книг в статье помещены две фотографии художницы. Одна - на нас смотрит задумчиво молодая женщина с кошкой на руках, на второй - старая элегантная дама в комнате у секретера на фоне окна с экзотической зеленью. Это, вероятно, одна из последних фотографий На-

тали Абрамовны. По поводу статьи и журнала она писала мне 26/VI-87г. : "Этот журнал уже библиографическая редкость. Не подумай, что из-за моего портрета. Это из-за Булгаковской кошки. Советую перечитать "Театральный роман" Михаила Афанасьевича, где кошка "Мука" играет очень большую роль. Целую, Тата." Этот номер "Детской литературы" я получила от нее в подарок с автографом: "Милой, дорогой Леночке от любящей ее тети Таты на память о днях, проведенных в Москве. 26/VI-87г."

На этом я, пожалуй, закончу цитирование из писем Наталии Абрамовны ко мне. Хочется с благодарностью вспомнить, какую значительную роль она сыграла в моей жизни. Не знаю, была ли бы у меня такая тесная связь с родственниками, если бы тетя Тата не приглашала меня к себе в Москву (это стало почти традицией) и не вела бы постоянной переписки со мной, не баловала бы меня своим постоянным вниманием и заботой. Своих детей у Наталии Абрамовны не было. Зато она была замечательной тетушкой для своих племянников и племянниц, а позже и их детей. Тетя Тата или просто Таточка - так звали мы ее.

На моей памяти Наталия Абрамовна всегда жила одна. Только по воскресеньям она ходила на совместные обеды в семью старшей сестры Ольги Абрамовны, жившей поблизости, на Зубовском бульваре. Она ждала наступления воскресенья и всегда приносила с собой что-нибудь вкусненькое, часто собственного приготовления. Очень близка была она со своей племянницей Натусей, окончившей в конце войны курсы художников кукольного театра под руководством С. Образцова и ставшей впоследствии, как и она, оформителем детских книг. Вместе создавали они красочные дидактические игры для издательства "Малыш". Внука Андрея Наталия Абрамовна любила до самозабвения; уже будучи старой и больной, она никогда не могла уснуть, не дождавшись телефонного звонка, подтверждающего, что Адис вернулся домой живой и невредимый (можно представить себе, как порой раздражала взрослого внука такая опека, но он никогда открыто не бунтовал против этого и всегда щадил нежные чувства тетушки, которая часто страдала головными болями).

Летом Наталия Абрамовна снимала дачу под Москвой по Северной ж/дороге. С появлением внука дачу стали снимать в поселке художников Абрамцево, где и вырос Андрей, сохранив верность этому чудесному уголку Подмосковья и связь с друзьями детства, ставшими теперь известными художниками. Иногда он ездит в Абрамцево на встречи со своими сверстниками, с которыми когда-то вместе гонял на велосипеде по лесным тропинкам.

Кроме родной племянницы, жившей в Москве, были у Наталии Абрамовны еще так называемые Костины дети - дочь Елена и сын от второго брака Виктор. Любимый младший брат тети Таты Костя умер в Костроме совсем молодым в 1941 году в возрасте 39 лет, когда его сыну был всего один год. Тетя Тата сделала все возможное, чтобы маленький Витюша и на пятнадцать лет старше него Елена встретились у нее на даче и подружались. Такие приезды на дачу повторялись несколько раз. В результате дружба между братом и старшими сестрами Еленой и Натальей благодаря заботам тетушки окрепла и теперь уже проверена временем. Сегодня, когда я пишу эти строки, мне хочется поблагодарить нашу дорогую тетю Тату, которая сблизила всех нас и наших детей и так щедро давала нам свое тепло.

Тетя Тата очень любила собак. Она знала еще с детства (в доме всегда держали собак), что собака - самый верный друг, который никогда не предаст. Около тринадцати лет таким ее другом был шотландский колли по имени Рикс. Прогулки с Рикочкой по переулкам Остоженки, иногда в обществе таких же "собачниц", например Тамары Петровны и ее белого пуделя Лушки, были постоянным ритуалом. И дача снималась не только для близких родственников, но и для Рикочки. О его существовании и характере знала Рина Зеленая. Упоминание вслух ее имени сразу заставляло избалованного Рикса становиться послушным. Когда я приезжала в Москву, Рикс уступал мне большой диван в комнате тети Таты. На этом диване он и скончался после удушья и сильных приступов кашля. Это было ночью, до самого утра мы с тетей Татой не сомкнули глаз. Больше собак она не заводила, но продолжала питать к ним слабость, всегда радовалась, когда овчарка хозяев дачи в Абрамцево, Апа, заходила к ней в дом. Есть много фотографий, запечатлевших эту дружбу с собаками.

Очень любила я приезжать в Москву. Тогда большая комната тети Таты в коммунальной квартире в Савельевском переулке по ул. Метростроевской, д.7 (недавно улице вернули ее историческое название Остоженка, о чем мне радостно сообщила в письме Наталия Абрамовна) и упоминавшийся выше старый диван, над которым висело полотно Сапунова в бронзовой раме, становились для меня родным домом. Эта комната Наталии Абрамовны со старинной антикварной мебелью неоднократно фотографировалась и была подробно описана поклонниками М.А.Булгакова и булгаковедом. Теперь, по прошествии многих лет, я думаю, что каждый мой приезд в Москву и гостеприимство тети Таты очень много давали мне в духовном развитии. Ходила я на концерты в консерваторию и в Дом ученых на Пречистенке, в Третьяковскую галерею, в Музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина на Волхонке, в Академию художеств. По приглашениям из МОСХа, которые регулярно присылали тете Тате, ходила иногда на выставки, организуемые союзами художников. Запомнились мне два театральных события моих молодых лет. Первое - посещение спектакля Вахтанговского театра "Филумена Мортурано" (или "Брак по-итальянски") с несравненной Цецилией Мансуровой и Рубеном Симоновым. Тетя Тата достала билеты в первых рядах. Спектакль был великолепным. Когда мы вернулись домой, раздался телефонный звонок. Звонила Мансурова! - "Тата, я видела Вас в публике. Как Вам спектакль? Как я играла?" Можете себе представить, с каким восторгом восприняла я этот телефонный звонок : с мнением моей тети Таты считаются корифеи театра! Знакома она была и с многими мхатовскими актерами, среди них с М.Яншиным, со Станицыным, с театроведами и литераторами Павлом Марковым и Виталием Виленкиным.

Вторым событием был балет С. Прокофьева "Каменный цветок" в Большом театре. Простому смертному достать хорошие билеты в Большой театр, особенно на балет, было невозможно. Тете Тате были оставлены билеты в кассе театра по просьбе дебютантки - юной Екатерины Максимовой в роли Катерины. Она оканчивала балетное училище, это был ее выпускной спектакль. (С мамой Катюши тетя Тата была хорошо знакома.) Незабываемо было впечатление от спектакля - необыкновенная чистота, хрупкость и в то же время сильная воля всепоглощающей и бесстрашной любви Катерины к Даниле. Мы сидели близко к сцене. Пом-

ню, как я обливалась слезами, глядя на трогательную фигурку в прозрачном хитоне, танцующую чистую, самоотверженную любовь.

Ходили мы с тетей Татой и в Студенческий самодеятельный театр в здании Университета на ул. Герцена на спектакль с начинающей тогда артистическую деятельность Ией Саввиной. И последнее, о чем мне хотелось бы вспомнить, это подарок, который тетя Тата решила сделать своим молоденьким племянницам : Наташе, живущей в Москве, и мне, приехавшей в гости из далекого Новосибирска. Подарок этот - поездка в Ленинград. Мы с Наташей были в восторге. Едем с тетей Татой в город ее детства и юности Санкт-Петербург! Небольшой, скромный номер в гостинице "Астория" (где-то на антресолях), завтраки в ресторане гостиницы, важный швейцар, открывающий перед нами двери на улицу, и целые дни и вечера мы бродим по улицам и площадям великого города, еще не залечившего полностью своих ран, нанесенных ему страшной войной и блокадой. Иногда встречаются обгоревшие дома, огороженные заборами с надписью : "Осторожно! Опасная зона".

Помню, мы пошли с тетей Татой по знакомому ей адресу и узнали, что ее родственница с семьей погибла в блокаду и никого из старых обитателей дома не осталось в живых. Она была очень расстроена, и мы не могли найти слов для утешения. Вечером мы были в доме на Мойке, в гостях у двоюродного брата тети Таты Павла Владимировича, океанолога, и его семьи. У тети Таты и дяди Павла было о чем вспомнить.

Интересно, о чем думала тетя Тата, когда мы ходили по улицам ее юности? Она взволнована, водит нас по так хорошо знакомым ей улицам - Литейному, Владимирскому, Загородному проспекту, где у Пяти углов стояла частная гимназия, в которой Тата училась. Пешком проходим мы по всему Невскому проспекту, от Александро-Невской лавры до Адмиралтейства, по пути отдыхаем у Казанского собора и в сквере у Адмиралтейства. По крутой внутренней лестнице поднимаемся на вершину Исаакиевского собора и обзираем оттуда город с его правильной планировкой и особенно проведенными как по линейке линиями Васильевского острова. Ветер наверху такой сильный, что я хватаюсь за ремешок часов, чтобы они не слетели с руки. Ощущение такое, как будто вся одежда срывается с тебя и летит вниз.

Мы много фотографируем. Тетя Тата, опытный фотограф, взяла с собой фотоаппарат. У меня тоже есть фотокамера "Комсомолец" с величиной кадра 6 на 6 (кажется, подаренная мне тетей Татой).

И сейчас, спустя почти пятьдесят лет (мы ездили в Ленинград летом 1950 года), я смотрю на эти фотографии и вспоминаю наши прогулки по Летнему саду, по Дворцовой набережной, Адмиралтейскому бульвару с непременно фотографированием на фоне "Медного всадника".

Еще мы плавали на катере по Неве и Финскому заливу до Петродворца (Петергофа). В пятидесятом году еще не отреставрированный Большой дворец зиял пустыми оконными проемами, а дом Марли лежал в руинах. Фонтаны только начали восстанавливать, но фонтаны Большого каскада уже работали и "Самсон" разрывал своими мощными руками пасть льву. Залы Эрмитажа, Русский музей, Кировский (Мариинский) театр, театр им. Пушкина (Александровский), шедевры архитектуры - улица зодчего Росси, Казанский собор, Дворцовая площадь с

аркой Главного штаба, скульптуры Летнего сада и памятник И.А.Крылову, сфинкс на Университетской набережной и львы у портала Русского музея - всем этим смогли мы в полной мере насладиться благодаря щедрому подарку тети Таты.

Можно было бы вспомнить еще об очень многом, но я выбрала всего несколько наиболее ярких встреч с тетей Татой.

Мне кажется, что тетя Тата была человеком скорее замкнутым, не очень впускала в свою душу посторонних, хотя отношения с окружающими были хорошими. Она была человеком деликатным. Почти всю свою жизнь прожила во многонаселенной коммунальной квартире, ее уважали и любили все соседи, на ее глазах родились и вырастали их дети, женились и выходили замуж. У нее были прекрасные отношения с редакторами "Детгиза" и "Малыша", друзья ее много десятков лет общались с ней — и в лучшие, и в лихие времена. В последние годы жизни у тети Таты появилось много новых молодых друзей, интересующихся творчеством М.А. Булгакова, с которым она была хорошо знакома. Эти молодые люди навещали ее, когда она, сломав бедро, не могла ходить. Приносили ей цветы, книги, фотографии, звонили ей, рассказывали о своих экспедициях, помогали в переписке с Музеем М.А.Булгакова в Киеве. Этот интерес к творчеству и личности М.А. Булгакова, а через него и к ней, очень скрасил последние годы ее жизни.

Этими краткими, фрагментарными воспоминаниями я попыталась отдать хоть малую дань благодарности памяти тетушке моей, Наталии Абрамовне Ушаковой.

Новосибирск. Март 1999 года.
Е.К. Зингер (Ушакова)

Вечера на Пречистенке

Мой путь к respectableному когда-то дому в Савельевском переулке был и долгим, и путаным - я шел по следам Михаила Булгакова. Здесь жили его друзья, Наталия Абрамовна Ушакова с мужем, Николаем Николаевичем Ляминим. О Николае Николаевиче я знал только, что исчез он в лагере в годы репрессий, а о Наталии Абрамовне не знал ничего.

Когда открыла она дверь, то оказалась высокой, худощавой и, естественно, довольно пожилой женщиной. Она не удивилась, смотрела приветливо и с любопытством, с охотой рассказывала о Булгакове и тех давних временах, но...

Но, несмотря на всю ее доброжелательность и непринужденность, все больше отвлекало меня ощущение какой-то неловкости. Где-то глубоко я чувствовал какие-то микроскопические доли иронии и даже снисхождения. Ясно стало, что многого Наталия Абрамовна не договаривает. Встречались мы часто и разговаривали подолгу, и постепенно возникала из прошлого картина Пречистенки - тонущего островка российской интеллигенции, и уходил куда-то на край сцены Булгаков, и заполняли призрачную жизнь философы, врачи, историки, литературоведы, художники и критики со своими женами, любовницами, сестрами и соседками.

К сожалению, наши записи не сохранились, их изъяли и уничтожили органы КГБ. Но кое-что осталось на черновиках. Приведу для иллюстрации небольшой отрывок.

«-После премьеры мы устроили банкет...

-Где?

-У нас дома. Накрыли столы, рыба была, салаты разные...

-А деньги где взяли?

-Какие деньги?

-Ну, рыба, салаты... Николай Николаевич только 60 рублей получал, да и у вас не густо было.

-Что вы такие вещи спрашиваете?

-А что? Мне не понятно, где вы взяли деньги.

-Украла!

-У кого?

-Знаете, Леонид Константинович..!

-Ничего не знаю. Вы сами сказали.

Так проходили наши вечера на Пречистенке.»

Центральной для Наталии Абрамовны фигурой был, конечно, ее муж, Николай Николаевич, питомец Московского университета, знаток западноевропейской литературы. Добрый, скромный, тихий человек - для нее он был любящим и заботливым мужем, для Булгакова — беззаветно преданным другом. Только через много лет, уже после смерти Наталии Абрамовны, листая архивные дела и

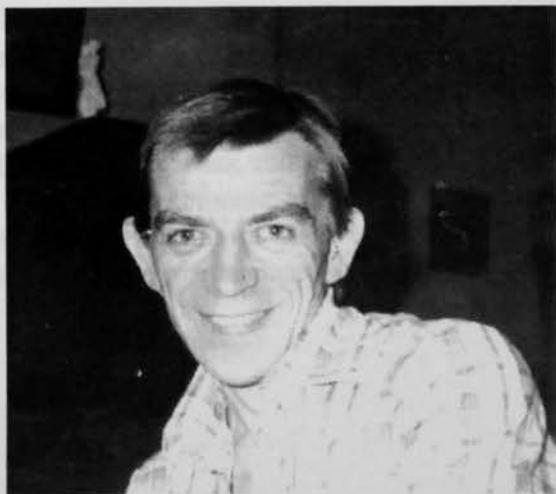
официальные ответы, узнал я судьбу Николая Николаевича до последнего его дня в больнице НКВД. Узнал и был поражен тем, что не открывалось ранее никому - скрывавшимися за молчаливой покорностью судьбе невероятной стойкостью в высокой человеческой порядочности, верностью высшим духовным ценностям российской культуры. С горечью узнал я и о том, что этого нельзя было сказать о человеке, которого считал он самым близким своим другом, - о Булгакове.

Так стала мне понятна еле уловимая ирония во взгляде Наталии Абрамовны, и невысказанные, а может быть, и не осознанные, и укор, и прощение. Они жили в ином времени. Во времени, когда, подходя к своему дому, всматривались в подъезд, не ждут ли их; когда читали украдкой, говорили шепотом, писали намеками; когда Наталия Абрамовна ехала тысячу километров мерзлыми лесами, чтобы узнать только, дадут свидание или нет. После трех лет лагеря Николая Николаевича поселили в Калуге, и она снова ездила и ездила без конца, оставаясь для него и утешением, и надеждой, и единственной живой связью с большим миром, в котором он родился и вырос, без которого не было бы для него жизни.

Оставалось только удивляться ее жизнерадостности, остроумию и юмору. Никогда ни о ком она не говорила плохо, но ядовитых, не злых, насмешек некоторые лица не избегали. Одно время Наталия Абрамовна поругивала одного незадачливого булгаковеда-любителя, который все время что-то путал или присочинял. В конце концов она заявила: "Все. Больше о нем - ни слова. Кто проболтается, десять копеек штраф!" Мы сделали специальную коробочку со щелью для монет и некоторое время строго придерживались этого правила. Но однажды, когда я приехал, увидел ее озабоченное лицо и нахмуренные брови. Минут двадцать она крепилась, ходила по комнате, ерзала на стуле, потом нетерпеливо достала рубль, торжественно положила его в коробочку и начала песочить вдоль и поперек!

Так прошло несколько лет. Все, что мне нужно было для работы, я давно уже выяснил, и мы встречались просто так, обмениваться новостями и посплетничать. Казалось, я хорошо знал ее, но однажды... Мы никогда не говорили о политике, но как-то я высказал довольно сумасбродную идею перехода границы. Это был единственный раз, когда я видел, чтобы Наталия Абрамовна резко изменилась в лице. Я реально увидел и реально почувствовал то, о чем раньше думал лишь как-то отвлеченно, - какую страшную рану оставил в ее душе режим. Постоянный, монотонный и даже как бы привычный уже страх вошел в нее навсегда. Вошел в души всех пречистенцев, всех тех, кто не терял памяти, кто не утратил общечеловеческих представлений о добре и зле. Трудно представить, какую силу нужно иметь, чтобы вместе с этим прожить жизнь достойно.

Леонид Паршин

ИНТЕРВЬЮ,
которое дала Н.А. Ушакова в день своего 90-летия
корреспонденту "Комсомольской правды"

(Печатается с сокращениями)

кор. Дорогая Наталия Абрамовна! Разрешите поздравить Вас с юбилеем от себя лично и от имени редакции нашей молодежной газеты, пожелать Вам творческого долголетия и поблагодарить за Ваше любезное согласие дать нам интервью!

Н.А. Спасибо, милочка! Поставьте, пожалуйста, цветы вон в ту вазу и садитесь.

кор. Мы сегодня по крупицам собираем живые свидетельства нашей не столь уж далекой истории, скажем, Вы вживе видели Храм Христа Спасителя рядом с Вашим домом и бассейн на его месте...

Н.А. Для меня это вообще живой смысл того, что произошло с нашей духовной жизнью, культурой. Такой, знаете ли, взрыв духовности в начале века и такой жалкий финал в конце его... Обрыв в корневой системе нашей культуры, судя по всему, произошел в двадцатые-тридцатые годы, когда мы пошли налегке, брэнча лозунгами пролетарской культуры. Именно тогда в котловане, образовавшемся на месте старой взорванной жизни, стали возводить здание новой жизни. Без фундамента, без предварительных расчетов, без инженеров... И глядя на странную, нелепую конструкцию построенного, мы сегодня спрашиваем: что же это такое? Что не Собор Парижской Богоматери - это ясно всякому...

кор. Расскажите, пожалуйста, о себе...

Н.А. Я родилась довольно давно... Мой дед - выходец из крестьян, и мой отец решил продолжить эту традицию, заняться сельским хозяйством на Тамбовщине, в Козловском уезде, причем не просто сельским хозяйством, а высококультурным садоводством...

кор. Что-то вроде садово-огородного общества? Сколько же соток получил Ваш отец? Шесть или больше?

Н.А. Видите ли, землю тогда не давали, а покупали или получали в наследство, и не сотками, а десятинами.

кор. Как интересно! А десятина - это что - десятая часть сотки?

Н.А. (неопределенно). Не совсем так. Это больше сотки, и я, право не помню, сколько их было у папы... Словом, он начал строить себе дом...

кор. Дачу?

Н.А. Можно и так сказать... Хотя тогда это называлось имение... Он построил каменный двухэтажный дом со службами, конюшнями, людской и разбил великолепный сад - настоящую симфонию. Вот там я и провела свое детство вместе с сестрой и братом, живя в имении каждое лето, вплоть до семнадцатого года, когда случился переворот...

кор. Значит, у Вас еще была и квартира в городе?

Н.А. (скромно). В Санкт-Петербурге...

кор. Большая? Я имею в виду, сколько квадратных метров? Тогда тоже норма была 9 метров?

Н.А. Я, право, не помню, сколько было у папы комнат и метров... Мне вообще, кажется, что тогда не существовало никаких нормированных метров, строили столько, сколько надо было.

кор. Что-то не верится... Простите, пожалуйста, я все время Вас перебиваю...

Н.А. Я закончила частную гимназию в Петербурге... А после переворота наша семья переехала жить в Москву, к нашим добрым знакомым.

кор. Трудно было прописаться?

Н.А. Какая прописка, деточка! Никакой прописки тогда не существовало, каждый жил, где хотел...

кор. Ну, не знаю, не знаю, как это без прописки, это ведь все захотят жить в Москве...

Н.А. (едко). До революции колбаса была во всех городах и весях России, а после нее исчезла повсюду, в Москве - тоже. В Москве я состоялась как художник-график детской литературы. Это было бурное, непредсказуемое время... Интеллигенция, которая осталась в России, была уверена в своей необходимости новому строю, была откровенна, за что и поплатилась позже жестоко... Ах, как много тогда интересного говорилось и писалось. Искали новый язык, новые формы в искусстве. В 1922 году я вышла замуж за Н.Н. Лямина и попала в круг очень умных и интересных людей, там познакомилась и с М.А. Булгаковым, который был близок с моим мужем... Н.Н. Лямин, Б.В. Шапошников, С.С. Топленинов, С.С. Заяицкий, Г.Г. Шпет, А.Г. Габричевский, В.Э. Мориц - члены ГАХН. Писали книги, статьи, читали лекции, остряли, рисовали, ездили в Коктебель к Волошину, много и умно говорили, спорили и не замечали, как небо заволакивали черные тучи... Классовый подход к культуре, пролетарская культура, классовое происхождение, социалистический реализм... Химеры, химеры, а сколько людей сожрали - родных, близких, знакомых, а тех, кто выжил, заразили страхом. Вы говорите - живое свидетельство... Знали бы Вы, сколько писем, в том числе и булгаковских, сожгла я в своем знаменитом камине... Аресты, процессы, исчезновения... Как я уцелела?! Но уцелела, жила, работала, пережила войну, стала членом МОСХ...

кор. Вы член партии?

Н.А. Какой?

кор. КПСС, конечно.

Н.А. Что Вы, Леночка! Какой там член... Мы в тридцатые-сороковые все изучали "Краткий курс ВКП(б)". Каждое занятие для меня было сущей пыткой. Съезд коллективизации, индустриализации, победителей... Сегодня победители, завтра - враги народа. Не приведи Бог, спутать... Двадцать лет учила, а и сегодня не знаю, кто у них там победил кого...

кор. Как это все печально!

Н.А. Конечно, печально. Но жизнь продолжается. Все в ней перемешано... переплетено.

кор. Вы одиноки?

Н.А. Что Вы! У меня масса родственников... Я живу с племянницей и ее сыном. Кстати, это она Вам открыла дверь. Наталья Арсеньевна очень милая и преданная женщина. Но упрямая, очень упрямая. Ее сын Андрей - совсем еще мальчик, но уже умный и красивый и высокий очень. Есть еще племянник - полковник Витенька, он все время что-то такое строит. Его жена - тоже милая женщина, но после нее всегда куда-то пропадают книги и журналы, но она никогда в этом не сознается. А так (с сомнением) — милая женщина. У них есть дети и даже внук... Потом еще одна племянница в Новосибирске - это Леночка.. Вообще, полно всяких родственников.

кор. Вы знали близко Булгакова, дружили с его женой, фотографировали... Вы даже родились в один день - 15 мая. Вы - главный консультант, какой журнал не откроешь, все о Вас, о Вас. Вам пишут, поздравляют, идут поклонники толпой... Как Вы относитесь к своей популярности?

Н.А. Это утомительно. Но я терплю. Нас, булгаковедов, не так уж много, просто мало, просто нет никого... Я и племяннице говорю : терпи... Мы должны помогать.

кор. Вы здорово помогли сегодня нашей газете. Огромное спасибо! Молодежь должна знать своих героев. Еще раз поздравляю Вас с юбилеем, всяческих Вам благ, и простите, что отняла так много Вашего драгоценного времени! До свидания!

*Специальный
корреспондент
Лидия Ушакова*

ЗАПИСКИ СОБАКИ

(К 85-летию со дня рождения Н.А. Ушаковой)

Сейчас все помешались на мемуарах : "Воспоминания маршала", " Повесть о пережитом", " Записки актера", "Балерина рассказывает" и т.д. И я подумал, а почему бы не создать, например, "Размышления собаки" или, скажем, так : "Рикс размышляет..." Звучит недурно, тем более, что и сказать есть что ...

Я частенько дремлю днем на кровати моей хозяйки - в ее отсутствие, разумеется. Дремлю, слушаю краем уха бормотание соседского радио за стенкой и думаю, вспоминаю, размышляю... Вот как раз сейчас за стенкой рассказывают о собаках. Даже сон слетел. По сути, как будто все верно, но форма ... Сплошная патока, даже скулы свело. "Собачья преданность, жертвенность, постоянная готовность к самопожертвованию" и прочая подобная трескотня. Можно подумать, что речь идет не о разумных существах, а о каких-то раскольниках-самосожженцах. По голосу слышу, разливается какой-то плешивый задохлик, с обкусанными заусеницами, который слово "совесть" пишет через букву "з". Говорит, будто поет. Стыдно господа! Стыдно.

Удивительный народ все-таки люди! Они столько понавертели вокруг таких понятий, как любовь и дружба, что сами заблудились в двух соснах. Чего стоят только одни передачи на моральные темы : "Возможна ли дружба между мальчиком и девочкой?", или "Существует ли женская дружба?", или, например, такой перл: "Можно ли любить одновременно нескольких женщин?" Эти дурацкие вопросы возникают оттого, что многие люди не умеют ни любить, ни дружить. Любить - значит уметь забывать о себе. Это совсем не сложно, если умеешь. Кстати, женщины это умеют. У них это от бога или, если хотите, от природы. Они, впрочем, не пускают слюней о собачьей преданности, а мужик думает, что, на худой конец, если не получилось с людьми, он купит себе за столик щенка, а вместе с ним и собачью преданность, и весь джентльменский набор с общим корнем "жертва". Дурашка! Ты выкорми сначала этого слепого щенка из бутылочки, походи за ним с тряпочкой, ликвидируя бесконечные лужи, потрясись, когда он болен, замени ему мать, всех прочих на свете собак, замени свободу, будь всегда добр и справедлив, тогда получишь собачью преданность чистейшей пробы. Злых, нерадивых, грубых, ленивых, глупых хозяев собаки не любят. Об этом, правда, не любят писать и рассказывать. Вот так и появляются легенды.

Собаки - народ умный. Дураков среди нашего брата куда меньше, чем среди людей. Дуры-собаки гибнут, а дураки-люди живут и частенько процветают. И как сказал один хозяйкин приятель: "А что вы хотите? Без дураков было бы скучно жить". Вот вам и дарвинизм в человеческом обществе. В собачьей среде этот самый дарвинизм работает, как швейцарский хронометр. Ум - единственное средство выжить в человеческих джунглях. Тут даже ночью извилины шевелятся, просчитывая все ситуации.

Ни на минуту расслабляться нельзя. Я спокоен только среди своих, но зато в постоянной тревоге за них.

Я - шотландец. Моя родина далеко отсюда, я никогда там не был, однако порой видятся мне удивительные странные сны о местах заведомо незнакомых и тем не менее смутно близких. Угрюмые горы, одинокие каменные замки, леса, водопады, красивейшие озера. Это, наверное, и есть моя родина - Шотландия. Почему меня так завораживает пламя костра, почему так безумно волнует запах баранины? Память прошлого, когда мои предки стерегли в горах эту самую баранину в свете пастушьих костров. Ныне же я - аристократ, чистопородный, с отличной родословной, чем немало гордится моя хозяйка. Что скрывать, мне это тоже приятно. Я знаю, что красив, - это без ложной скромности, просто констатация очевидного факта. Нужно, правда, сказать, что почти все собаки красивы. Хотя нет, терпеть не могу боксеров и карликовых терьеров, но они тут ни при чем, это уродство искусственное.

Да, я люблю посмотреть на себя в зеркало - это чисто эстетическое удовольствие. Красив, ничего не скажешь! Королевских тонов - золото с белым. "В вашей шерсти запуталось солнце" - это обо мне и посвящено лично мне. Шерсть густая и блестящая - это заслуга моей хозяйки. Узкая, благородная морда, живые умные глаза, жемчужный оскал, все путем! Одним словом, хорош! Да и сучки мне об этом намекают частенько. Слабостей почти никаких - разве что немного ленив, а кто не ленив? - и еще очень равнодушен к еде : всегда, везде и сколько угодно. Равнодушен к приятной внешности, хорошим манерам, интеллектуальной беседе. Люблю свою хозяйку, и не просто люблю - на это, как мы выяснили, способен каждый сколько-нибудь благодарный пес - я свою еще глубоко уважаю. В этом чудовищно сложном, бушующем житейском море она, слабая женщина, одна мужественно ведет свой корабль под белым парусом вопреки всем бурям, непогодам и потерям, а их немало. При этом остается человеком, готовым прийти на помощь и другим. Почти никогда не плачет. Иногда очень устает, а иногда от нее остро пахнет чужой враждой. Тогда во мне непроизвольно рождается глухой, как гром, рык, и шерсть встает дыбом. Вот тогда я готов порвать глотку любому ее обидчику. Но этого делать нельзя, ибо вокруг - цивилизация.

Мне нравится внешность моей хозяйки : она стройная, и - не люблю толстух - длинноногая, быстрая, всегда хорошо одета и хорошо пахнет. Я горжусь ею. Волоку ее на порфорсе, - это, замечу вам, такое достаточно унижительное приспособление с металлическими шипами, которое, якобы, сможет меня удержать, буде я намерюсь убежать, - итак, волоку свою хозяйку по пустынной вечерней улице и мечтаю : пусть бы пристала к ней сейчас парочка-троечка злобных хулиганов. Ух, я бы показал ей, что такое настоящая битва, что такое настоящий защитник; хулиганов сколько угодно, но дураков среди них нет. Косятся, сволочи, уважительно в мою сторону и проходят бочком. А мы волочемся дальше в поисках укромного уголка для

отправления деликатных дел. С нами часто раньше гуляла сучка Лушка со своей хозяйкой, я их обеих люблю. Лушкина хозяйка написала обо мне прекрасные стихи, я их наизусть знаю, так часто моя Наталия Абрамовна их по телефону читала всем своим знакомым. Это настоящая поэзия, можете мне поверить : я с этим радио стал подлинным ценителем поэзии. Хорошая рифма и каждое слово - чистая правда. Лушка - моя приятельница, я бы даже сказал, подруга. У нас с ней настолько застарелая дружба, что об ухаживании и речи быть не может. Лушке можно все рассказать, она все понимает, никогда не ломается по-дурачки, вроде той немецкой сучки на площадке. Представляюсь ей в первый день : "Колли Рикс, а вас, позвольте узнать, как зовут?" А это блохастая помесь ишака и дворняги - к хвосту явно на ночь гантель подвешивают для оттяжки хвоста - высокомерно так отвечает : "Я не имею привычки заводить уличные знакомства", — и поворачивается к боксеру продолжить беседу, которую я так невежливо прервал; стою, как оплеванный. Вышел в свет, называется. А ее слюнявый приятель меня совсем добил : "Проходи, - говорит, - приятель, не путайся под ногами". Я, конечно, отошел, сел в сторонке, наблюдаю, как они там выдрючиваются на различных снарядах. Этот хам-боксер у них в лидерах по всем видам программы. У него три жетона на ошейнике, звали его Додди, но уж там корячился - без слез нельзя было смотреть; его все нахваливали, а он - как номер выполнит - так на эту сучонку посмотрит: как, мол? Я не вытерпел и, когда он шел по бревну последнему снаряду, крикнул: "Эй, кавалерист кривоногий, смотри, на своей сопле не поскользлись!" Тут он и сверзся, задребезжав всеми своими бляшками, кстати, четвертая тот раз мимо проплыла. Хамов учить надо. А его подружке я тоже вклеил: "Вы бы, мадам, своему кавалеру слюнявчик связали, очень уж у него вид неаппетитный!" Скучно мне стало. На хрена, думаю, мне эти кульбиты. Не буду ничего делать !!! И не стал. Принципиально не стал. Так, кое-что, иногда, чтобы за кретина не держали. Обо мне так говорили : способный, но не собранный, ленивый, при его бы экстерьере... и т.д. Сейчас, думаю, разбежался, я вам за эти оловянные кругляшки падеде из "Дон Кихота" исполнять. Хозяйку, правда, жаль. Она расстраивалась, но не сильно, и любила меня по-прежнему и без этих жетонов. Еще и утешала меня : "Рикки - умница, способный пес, он все умеет, он все понимает". Вот именно, что умница, именно, что понимает! Не дурак!!! Положите на конец бревна килограммчик мяса - только не баранину - тогда и разговор совсем другой будет, тогда я 23 на 32 умножу и еще разделю на четыре, причем в уме. Вы посмотрите в цирке : этот щипаный Лева - царь зверей! - прыгает в огонь рыбкой. За что? За мясо! Слон на тумбу влез - ему, пожалуйста, венчик на работу, заяц - побарабанил на чурочке - ему морковочку. От каждого по способностям, каждому по труду. А мне, интеллигенту, интеллектуалу, за кружочек алюминия упражнения пожарника-первогодка выполнять! Разбежался! И потом, мне страшно не нравилась атмосфера на площадке - какое-то нездоровое соперничество, глупый ажиотаж, разъединение собак. Все друг на друга волками смотрят, очки считают, там только один эрдель

прилично держался, не сквалыжничал, он мне все подробности и обрисовал. Короче, устроил я забастовку : не нравилось мне еще очень то, что судья вечно палил из пистолета, омерзительный звук, унижительное чувство страха, видимо, атавизм какой-то. Так что медалист из меня не получился, что очень упростило жизнь, как мою, так и моих хозяев, жили без нервотрепки : заранее знали, что волноваться не из-за чего - надежды нет. Кстати, в соседнем доме живет пятнистый дог Гранд, у которого я насчитал 11 этих самых кругляшей. Ну и что?! Испортили пса! Ох и павли-и-ин, ни с кем не здоровался, всех презирал. У него хозяин какой-то там спортивный деятель, привозил Гранду из-за границы разные попонки, поводки, цепочки, ошейники, раз привез даже из крокодиловой кожи. Тоже павлин еще тот! Мимо идет, и его всего распирает, что на нем куртка импортная, собака с медалями, трусы из дакрона. Такие вещи собаки чувствуют отлично. Идешь по улице, и тебя, буквально, омывает спесью, алчностью, злобой, завистью, а потом вдруг так приятно вдохнешь доброжелательность, нежность. Но это не часто. Я так скажу : мне нравятся многие люди, которые у моей хозяйки в знакомых числятся. Она их не понимает, я читаю как в раскрытой книге в их душах. Это расплата за речь, все укутано словами, до сути не доберешься. Видишь порой: дрянцо человечек, предаст за пятак, "несложен, как дрозд", а его за порядочного держат.

У хозяина-павлина и собака — павлин. Что, думаете, помогли ему эти бляшки? Нисколько. Этому Гранду откуда-то из Останкино привезли для предварительного знакомства догессу Нелли, черную, как ночь. Королева, а не сучка. Первый раз в жизни я испытал уколы ревности и зависти. (Мне обычно из нашего клуба очень приятный мужичок Коля доставлял подружку - и без проблем и без эмоций весь процесс). Но Нелли !!! Я подумал, что любовь с первого взгляда - все-таки не фантазия, ("Бывает ли любовь с первого взгляда?" - так называлась одна из радиодискуссий. Один социолог доказал, что не бывает, ибо "любовь — это прежде всего, общность взглядов и единое мировоззрение, так что без мировоззрения в этом деле никак не обойтись), а я ради Нельки готов хоть трижды сменить не только мировоззрение, но и шкуру. Но я ей тоже показался. Давно это было ... Дело прошлое - прижал я красавицу Нелли за мусорным ящиком во дворе. До сих пор голова кружится, как вспомню... Ее больше не привозили, знакомство не продолжилось, так как она отказала в своей благосклонности этому медалированному петуху. Небось хозяева до сих пор ломают голову, почему у брюнетки Нелли детки с рыжей подпалиной. Я потом написал этому Гранду на фонарном столбе, что я о нем думаю, приглашал поговорить наедине, но ответа не последовало.

На площадку частенько меня водила еще одна моя хозяйка, племянница Наталии Абрамовны, с Зубовского. Я ее тоже люблю. Тоненькая, породистая, нервная, с норовом, на Дину Дурбин похожа. Одеться тоже умеет. И тоже хорошо пахнет. Ох, мужики на площадке сразу свои экстерьеры подтягивали, хвосты распускали, мною усиленно начинали интересоваться. Смех! Хозяин

этой невоспитанной немки, что меня в первый день на площадке мордой приложила, стал крутиться около нас : "Ах, какой пес, у вас такой необыкновенный пес, я о таком мечтаю давно", — и т.п. Три дня тому назад этот прохиндей и бабник меня не видел в упор, а тут разлился сиропом по древу; я его сучонке говорю : "Уйми своего заморыша, а то без брюк переулками домой будете пробираться, да еще уколами отоварю". Она сразу поняла, что я не шучу, и отвлекла его. Я потому был таким грубым, что исповедую одну простую истину, основанную на чисто житейской эмпирике : каков хозяин, такова и собака. Скажи мне, кто твоя собака, а я скажу, кто ты. У эдакой дуры и невежды и хозяин тоже хам и дурак, вот я его и отшил, потому что эта самая моя вторая хозяйка - наивняк еще тот. Я ее обмануть могу без подготовки. Люблю пошутить, подурачиться. Ну не хочется мне лезть на эту дурацкую стенку - не то настроение. Сейчас же сымпровизируешь. Легко так, по-быстрому, маленький скетч под кодовым названием "Рики болен", я даже научился делать нос сухим и горячим, (как-нибудь поделюсь опытом, гениально просто), и моя Натусенька покорно уводит меня с площадки домой, лечиться. На первых порах я честно до самого дома изображал страдания юного Вертера; потом стал сокращать этот процесс -уж больно скучно тащиться как паралитик. Думаете, заметила? Ничего подобного, верит и по-прежнему попадаетея на удочку, я теперь метров пятьсот еще "болею", потом перехожу на бодрую рысь, и мы строевым шагом прибываем к моему главному лекарству - жратве. Всем хороша моя доверчивая патронесса, но педантка: по каким-то идиотским рекомендациям дает такой научно сбалансированный рацион, что и сдохнуть не сдохнешь, но жрать постоянно смертельно хочется. С удовольствием вспоминаю, как отшил сегодня этого бабника. У нас есть свой мужик, и не чета этому мозгляку. Вот кого не купишь на жалость, просекает все с полнамека. "Он, Наташа, симулянт - этот ваш Рики, а ты, извини меня, дурочка!" Что ж, ничего не поделаешь, молча глотаю суконную, шершавую правду. Наш Игорь сам в этих делах дока, сам любит - а какой мужик не любит!?! - чтобы перед ним на пуантах ходили. Номера : "Игорь устал", "У Игоря голова болит", "Игорь занят" - отработаны, конечно, изящнее моих безделушек и увенчиваются всегда успехом. Преклоняюсь, как и надлежит дилетанту, перед лицом учителя, но помалкиваю, не продаю его, кобель мужчину всегда поймет. Люблю с ним пройтись вечером, особенно поздним. Зрелище являем собой внушительное. Всякая трусливая шушера еще издали перебирается на другую сторону улицы. Идут мужчины! Дорогу гвардейцам!

Жду лета. Я его жду весь год, начиная с осени. Лето - это прежде всего дача. Господи, вот уж где благодать-то, волюшка полная. Пичуги там всякие, лягушки, грибы, ягоды, речка. Целый день воздух, движение; вокруг все свои, родные, любимые, отдохнувшие и счастливые. Оправляйся сколько хочешь и когда приспичило, благо кругом тьма укромных местечек, а это для такой деликатной собаки, как я, фактор немаловажный. Был бы хоть какой талантишко завалачий, я бы летом стихи писал. Приедет Витька, эдакий

славный пацан, веселый, добрый и бесхитростный друг. У этого прохиндея - каникулы, и он выжимает из безделья все - до последней капельки. Я был моложе его, был его ровесником, а теперь - старше его. Собачий век - иллюстрация теории относительности, времени в действии. Был, помню, момент, когда его начали ущемлять в правах в связи с моим появлением. Но я ему наедине шепнул, чтобы он не комплексовал и относился к этой воспитательной бодяге проще, естественней. "Не хочешь - не делай!" - вот мой девиз. Правда, наука эта мне боком вышла. Витюша получает команду - выгулять собачку, то есть меня, как следует. Что делает этот стервец? Вне пределов видимости из дачи залезает на дерево. В руках у этого прохиндея удочка, на конце лески - кусок вареной колбасы. (Я уже упоминал о своей слабости). Сидит, подлец, на дереве, читает книжку и вращает удочку с колбасой. Я, молодой кретин, как ужаленный, два часа мотаюсь за этой колбасой. Книга прочитана. Витька спускается с дерева, дает мне этот несчастный кусман и ведет домой, где бодро рапортует, что прошел со мной километров десять. У собаки бока ходят, язык тряпкой висит до земли. Все довольны. А у меня теперь вестибулярный аппарат, как у водолаза.

А там подваливает из Сибири еще одна простячка. Святая простота Леночка. Перехитришь, к примеру, Игоря, радуешься, будто в лотерею мотоцикл выиграл. Обмануть Тату или Натусю - несложно, но все-таки напрямь мозговую извилину приходится. Но эту сибирячку - даже неинтересно. Мне так и не удалось ни разу достичь дна этой бесхитростности и простоты. Уставал притворяться раньше, чем достигал середины. Я часто думаю о ней : как живет ей в ее великой открытости и простодушии среди отнюдь не наивных двуногих существ? Вся надежда, что устыдятся. Однако, не уверен, совсем не уверен...

А дождь все льет и льет, радио бубнит и бубнит, а до лета так далеко...

Леер-Рикс

**Поэма о дружбе, любви и гулянье,
О кротких, и мудрых, и нежных созданных,
О страшных волнениях, о бешеных скачках,
О дивных, послушных и милых собачках.**

Автор посвящает
тем, кто понимает.

ПОЭМА

Две тощие дамы,
Свершая прогулку,
Шли чинно и прямо
По переулку.
Шли с двумя собаками,
Шли и чуть не плакали.
Ужасные встречи
Бывают за вечер.
Вот для начала :
Возле ворот
Вдруг зафырчало -
Выскочил кот...
У тротуара -
Целая пара,
Такие котищи-
Захочешь, не сыщешь.
Хлоп! Из окошка
Прыгнула кошка,
Видно, бывалая!
Села и щурится.
Просто НАВАЛОМ
Кошек на улице.
Сразу, понятно,
Свернули обратно.
Готовилась драка-
"КТО-ТО" шел
с "КАКОЙ-ТО" собакой.

Не выяснив пол,
Шептались обе :
Сука или кобель?
Потом хулиганы
Из нагана
Дико, с криком
Стреляли в Рика.
(Стреляли, кстати,
На Арбате,
Оказался, причем,
Наган пугачом.
Но выстрел, хоть тише,
Все же был слышен)
Рик уникальный
Сел моментально,
Пролаяв: "Обратно!
Мне здесь неприятно!!"
И тут же до дома
Несчастливая дама
Собакой влекома
Была этой самой.
А рядом вприпрыжку,
Скрывая одышку,
Бежала другая
Шепча: "Дорогая!
Ах! Как это мило!
Какая в вас сила!
Мы в два поворота
Проскочим в ворота
К тому переулку!
Продолжить прогулку!
Нам шлет провиденье
Обман во спасенье!"
Скокнули, свернули,
"ЕГО" обманули,
Решив у картошки

Побегать немножко.
Под горку у храма
Спускаются дамы
В волнение великом
За Топу и Рика.
Сказала одна,
Повернувшись к другой :
"Как будто бы "ДЕ",
Но совсем небольшой!"
А может быть, "ЭС",
Я сама не пойму!"
И обе взглянули
В вечернюю тьму.
Но что это значит?
Там кто-то маячит.
"Смотрите повыше,
мальчишки на крыше!!!"
Ай! Ой! Скорей домой !!!!!
И вот, от ужаса дрожа,
Мальчишек заприметя,
Промчались мимо гаража
Две дамы, словно ветер.
Навстречу старый той-терьер
Попался им в попоне,
И перешли они в карьер,
Вообразив погоню.
Лишь проскакав по горке ввысь
Решили перейти на рысь.
Теперь уже далеко враг.
"УПОТРЕБИМ", пожалуй, шаг.
Вдруг, откуда ни возьмись,
Пьяный дядька появился!
Топ подпрыгнул, словно мяч,
И пошел на дядьку вскачь!
Шерсть поставив точно ерш
Рик залаял: "Не уйдешь!"
"Ты зачем, бродяга, пил?!" -
Топа присовокупил.

И, пройдясь на задних лапах,
Он добавил : "Мерзкий запах".
Рика ринулся вперед:
"Ухвачу-ка за живот!"
Перед схваткою великой
Затрещал парфорс у Рика,
Пена, лай, хвостов мельканье
И чье-то бормотанье,
Все смешалось,
Все бросалось,
Одичало,
Все рычало,
Дам от ужаса качало.
Но тут чудо из чудес -
Пьяный сам собой исчез.
Рик поскреб, поскреб дорогу
И спокойно поднял ногу.
Посмотрев на это дело,
Рядом Топочка присела.
Пошептавшись меж собой,
Дамы тронулись домой.
И сказали чуть дыша :
"Как погода хороша!!"
И заметили при этом :
"В ноябре жара, как летом!"
Вот и дом, конец страданьям,
"До свиданья". - "До свиданья".
"Погуляли мило очень".
"Добрый сон" - "Спокойной ночи",
"Все сошло довольно гладко",
"Все у нас теперь в порядке!!"
И взглянули друг на друга,
И присели от испуга.
А, присев, заплакали -
Собаки не пока...и!!!"

В А М

В Вашей шерсти запуталось солнце,
Словно осень багряная в листьях,
Словно золото старых червонцев,
Только мягких и нежно пушистых!

В Вашей поступи что-то от лордов,
Вы гарцуете вне подражания.
Если я и держусь с Вами гордо,
То каких это стоит страданий.

Вы рассеяны, дерзки и нежны,
А глаза Ваши ярче топазов!
Мое чувство, как море, безбрежно,
И, поверьте мне, это не фразы.

В Вашем голосе нега и сила
Ваших предков свободных и диких.
Для меня Вы несказанно милы,
Ненаглядный и взбалмошный Рики!

Прошу простить за карандаш,
(Все потерялись перья),
В любви иду на абордаж,
Я вся твоя - **ЛУКЕРЬЯ.**

Мы вас любим и очень привязаны
Вы нам посланы просто судьбой!
Очень много бывает не сказано,
По понятно само собой!
Вы такие особо уютные,
Мы хотим вас надолго сберечь!
С вами час пролетает минутою,
Потому мы и падки до встреч.

Так как вы, не выносим жалости,
Но любя вас - жалеем чуть-чуть,
И мы просим, так просим - пожалуйста,
Не сломайте еще что-нибудь.
За улыбкою прячем мы скуку,
Ненавидим заранье Кавказ!
Мы признательно лижем вам руку
И нахально целуем вас!

ТАМАРА И ЛУШКА

9/VIII 52

Лукерья Марсовна имеет честь
Вас пригласить на чашку чая
(Дадут, быть может, и поесть,
Но я наверное не знаю!)
Итак, мы милости Вас просим
Зайти сегодня ровно в восемь.

Приглашение на 8-ое марта

Если Вам не лень,
Если делать нечего,
Приходите в сучий день
К нам попозже вечером.

Твоя Лукерья

Тамара Петровна Звоницкая

Вместо послесловия.

*"Мы принимаем все, что получаем,
За медную монету, а потом -
Порою поздно - пробу различаем
На ободке чеканно-золотом".
(С. Маршак. Лирические эпиграммы.)*

Несомненно, Наталия Абрамовна - человек художественно одаренный, то, что называется талант Милостью Божьей. Не получив сколько-нибудь системного художественного образования (в активе домашний учитель рисования, уроки в гимназии, сколько-то занятий у Кордовского, советы и наставления Н.Н.Купреянова - вот и все ее университеты), она стала профессиональным художником, членом МОССХа.

Меня мучает один вопрос, почему, обладая талантом, она ничего не писала, кроме заказных издательских работ. Почему она, не обремененная семьей, не бродила с этюдником по Москве, Подмосковию, как некогда в Петербурге, почему ничего не писала дома?

Что это - лень ума и бедность фантазии? А может быть, некто маститый еще в молодости бросил ей: "Деточка, оставьте кесарю - кесарево, рисуйте себе детские картинки, остальное - не для Вас?" Известно ведь, как жесток творческий мир к товарищам по цеху.

А может, она стала поденщицей, чтобы иметь много денег и помогать своим близким? Кто знает, как бы все сложилось, если бы остался в живых Николай Николаевич, которого Тата боготворила, и будь у нее свои дети. Но этого не случилось. И всю свою любовь и огромные запасы преданности она отдала семье Ушаковых, взвалив на плечи поистине мужскую ношу. И ведь зарабатывала и помогала! Всем. Старшей сестре и младшему брату, их детям и детям их детей. Деньги, посылки в Калугу, в Новосибирск, Новомосковск. Мне, великовозрастному студенту, и моей молодой семье посылки, посылки, посылки, деньги - в Среднюю Азию. Нельзя отправлять продукты из Москвы, Тата едет в Александров, всегда скрупулезно и точно выполняя все заказы.

Жизнь устроена так, что мы чаще всего не успеваем отблагодарить тех, кому многим обязаны.

Пусть наш сборник станет той толикой благодарности, что заслужила наша дорогая, добрая, любимая тетушка Тата - Наталия Абрамовна Ушакова.

Виктор Ушаков.

Основные работы Н.А. Ушаковой

- 1922г. А. Чаянов. "Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей. Романтическая повесть, написанная ботаником Х. Иллюстрированная фитопатологом У". М. Издание автора, V год республики.
- 1924г. А. Чаянов. "Необыкновенные приключения графа Ф.М.Бутурлина". М. Издание автора, VII год республики.
- 1925г. С. Заяицкий "Клю и Кля". М. "Земля и фабрика".
- 1926г. Л.Зилов "Отгадай-ка". М. Госиздат.
- 1927г. В. Маяковский "История Власа, лентяя и лоботряса". М.: Молодая гвардия".
А. Родченко. "Жучкины ребята". Л. Радуга.
- 1928г. М. Соловьева. "Братья да сестры кошечки нашей пестрой". М. Госиздат.
С. Федорченко. "Кому - горе, кому - смех". М. ГИЗ.
Н. Жбанова. "Собаки на работе". М.Л.: ГИЗ.
- 1929г. С. Федорченко. "Угадай".
- 1935г. "Азербайджанские тюркские сказки", М. Akademia.
- 1937г. Л. Толстой. "Маленьким детям". М.: Детиздат.
- 1941г. В. Катаев. "Дудочка и кувшинчик". М. Л.: Детиздат.
- 1944г. Игра "Золотой ключик" по А. Толстому. Худ.фонд СССР.
- 1945г. Н. Кончаловская, Р. Зеленая. Игра "С утра до вечера". М.: "Советский художник".
Н.Кончаловская. "Что случилось?" М.: Детгиз.
Худ. Ушакова и Бугельский. Книжки-игрушки "Елка", "Карусель", "Книжный киоск". М.: Детгиз.
- 1946г. К. Чуковский. "Загадки". М.: Сотрудник.
- 1947г. "Загадки". М. Детгиз.
А. Барто. "Новые игрушки". М.: Детгиз.
- 1949-50г. Н. Ушакова. "Что это?" Три книжки-картинки. М.: Детгиз.
- 1951г. А. Барто. "Игрушки". М.: Детгиз.
- 1953г. Н. Забила. "Ясочкина книжка". М.: Детгиз.
- 1958г. С. Михалков. "Азбука". М.: Детский мир.
Я. Аким. "Вот какие игрушки". М.: Детский мир.
- 1959г. Н. Кончаловская. "Сосчитай-ка!" М. Детгиз.
"Игры октябрятам". М.: Детский мир.
М. Красев. "Детские оперы-игры". М: Музгиз.
- 1960г. Н. Кончаловская. "Оранжевые лапы". М.: Детский мир.
"Который час?" книжка-игрушка. М.: Детский мир.
- 1962г. Б. Сушкев ич. "Праздник в детском саду". М.: Детгиз.
- 1966г. "Мишкины книжки" /книжка-игрушка/. М.: Малыш.

**Перечень изданий,
в которых упоминается Н.А. Ушакова**

Н.Н.Купреянов. Литературно-художественное наследие	Изнар Н.С.	Москва "Искусство" 1973 г.
"О мед воспоминаний"	Л.Е.Белозерская-Булгакова	Мичиган, издательство "Ардис", 1979г.
Журнал "В мире книг", № 9 с. 49-51	Б.Мягков, А.Шамаро. "Реалии фантастического действия"	1982 г.
Журнал "Советское фото", № 7, с. 33-35	Лидия Яновская	1985 г.
Журнал "Детская литература", № 3, с. 58	Л.Кудрявцева. "Пачка книг, перевязанная бечевкой"	1987 г.
Новый журнал "Москва и москвичи вокруг Булгакова"	Шолошников Наталья Борисовна	Нью-Йорк, март 1987г.
Иллюстрация (Шестнадцатая выставка московских художников книги)	Владимир Глоцер. Детская книжка, с. 160 Н.А. Ушакова	Москва, "Советский художник", 1988г.
Жизнеописание Михаила Булгакова	М. Чудакова	Москва, "Книга" 1988 г.
Журнал "Детская литература" № 12, с. 67	Екатерина Дьячкова. "Внимание : книжки-игрушки"	1989 г.
"Чертовщина в Американском посольстве в Москве, или 13 загадок Михаила Булгакова"	Леонид Паршин	Москва, издательство "Книжная палата", 1991 г.
"Дневники"	Булгакова Е.С.	Издание 1992г.
Путеводитель "Пречистенка. Остоженка", с. 100-102	О. Шмидт	Москва, 1994 г.
Булгаковская энциклопедия г.	Борис Соколов	Москва, "Локид-миф" 1996

Оглавление:

Очерк о жизни и творчестве Н. А. Ушаковой	1
Странички из дневника гимназистки	11
Детство. Отрочество. Екатеринино (фотографии)	13
"Коллегия" 1919 - 1920 годы	15
Первые работы	21
Поздравление от Любощинских и Жедринского	22
Москва. 1918 год. Сокольники. Зубовский, 15 (фотографии)	24
«Пачка книг, перевязанная бечёвкой»	25
Из писем Н. Н. Купреянова к Н. А. Ушаковой	27
Работы Н. А. Ушаковой (иллюстрации)	29
Письмо Белозерской - Булгаковой	41
Посвящение Н. А. Ушаковой. Долгоруков, Топленинов.	42
Ушакова-Лямина. Москва. Кавказ. Калуга (фотографии)	45
«К истории моего собрания детских книг». Фрагменты статьи	47
Воспоминания Н. А. Обуховой	48
Воспоминания Е. К. Ушаковой-Зингер	49
«Вечера на Пречистенке». Л. К. Паршин	54
Интервью Н. А. Ушаковой	56
«Записки собаки»	59
Поэма. Т. П. Звоницкая	65
Вместо послесловия	71
Основные работы Н. А. Ушаковой	73
Перечень изданий, в которых упоминается Н. А. Ушакова	74

Маме посвящается

*В матовой пелене Питербурга,
В робком солнце северного неба
Отлетела прозь седая вьюга,
Нежною листвою оделось древо.*

*Жизнь созрела в ласковом дыхании
Камня, отдающего тепла.
Девочка с огромными глазами
Мне смеется дерзко и светло...*

*Зрелость не лишила гарованья
Блеска глаз и тонкости в кости,
Тордого достоинства и тайны -
Все в себе сумела пронести.*

Юля Цыпкина 15 мая 1984 года.

ХР... С. С. С. Р.

И. К. В. Д.

**ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

ОМНОВЕНТАРИЗОВАНО

ДЕЛО № 246180

Учтеное 1962 г.

№ 054

№ _____

4 4 9

Количество томов

1

17-43249

27/1153-570

ИЗДАНИЕ

ОСУЩЕСТВЛЕНО ПО ИНИЦИАТИВЕ,

ПРИ АКТИВНОМ УЧАСТИИ

И НА СРЕДСТВА

ВИКТОРА

КОНСТАНТИНОВИЧА

УШАКОВА.

ОТПЕЧАТАНО

50 ЭКЗ.